

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ ЭРИДЫ

зарождение легенды

ЦИТИАНКА

18+

Хладные тени

Цитианка

**Ледяное сердце эриды.
Зарождение легенды**

«Автор»

2026

Цитианка

Ледяное сердце эриды. Зарождение легенды / Цитианка —
«Автор», 2026 — (Хладные тени)

Вторая книга цикла: "Хладные тени" Элария — воспитанница закрытой школы хладниц, где девочек учат служить людям и подавлять в них эмоции, мешающие власти и порядку. Она взрослеет среди жёстких наставниц и ежедневных ритуалов покорности, готовясь занять место при дворе и служить будущему королю, не зная иных желаний, кроме долга. Но путь к этому почётному служению открыт не только ей — за него борются и другие ученицы, каждая со своими амбициями и силой. Оказавшись во дворце, Элария почти сразу понимает, что реальность далека от того, чему её учили. За мраморными стенами кипят интриги, идёт скрытая борьба за власть. Каждый шаг становится испытанием, каждое соприкосновение с чужими эмоциями — риском. И всё же самое страшное впереди: одна-единственная слеза, пролитая Эларией, станет предвестником падения Золотого века и началом проклятия, которое будет преследовать её род последующие столетия. Дизайн обложки создан с использованием ИИ OpenAI ChatGPT

© Цитианка, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Серебро служит, золото правит	7
Глава 2. служить, служить, служить	13
Глава 3. Камень повинности	21
Глава 4. Тень для трона	29
Глава 5. Три меча	35
Глава 6. Перед лицом короны	42
Глава 7. Цена пригодности	54
Глава 8. Хладная трапеза	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ледяное сердце эриды. Зарождение легенды

Пролог

© Цитианка, 2026

18+

ISBN 978-5-0069-5428-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-5429-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВТОРАЯ КНИГА ЦИКЛА

Я бегу через лес по глубокому снегу, чувствуя, как платье цепляется за ветки. Руки уже все в царапинах, пальцы плохо слушаются, иней липнет к коже, стягивая мышцы, но я все равно не замедляюсь. Время... мало времени...

В голове звучит его голос:

– Десять минут, Элария.

Я не представляю, что он сделает, когда догонит, и не понимаю, зачем дал мне эти минуты, если все равно собирается поймать.

Меня всегда учили ходить медленно, держать спину ровно, не смотреть по сторонам. Сейчас я рвусь вперед, падаю в снег, поднимаюсь и снова бегу, не думая о том, как выгляжу, не думая о том, что платье намокло и прилипло к ногам, что волосы выбились и бьют по лицу.

В голове идет отсчет: десять минут, девять, восемь... Смешно верить, что если доберусь до нуля, все станет как прежде. Время тает, секунды вязнут в предутреннем, промерзшем воздухе, и я уже не различаю лес вокруг. Остается одно – бежать, как можно дальше от него. Только бы не оглянуться. Только бы не услышать его шаги за спиной.

Глава 1. Серебро служит, золото правит

– Это бессмысленно, – вырывается у меня, когда наставница велит повторять клятву служения вслух, слово в слово, уже в десятый раз. – Если никто не верит в эти слова, для чего их говорить?

В учебном зале тут же становится напряженно. Все ученицы замирают, как если бы я нарушила не правило, а саму тишину Ордонанса. Кто-то опускает глаза, Виена втягивает плечи и только Далия во втором ряду оживает, словно ждала, когда я снова не сдержусь. Она откидывает длинную косу за спину, готовясь наблюдать, как меня поставят на место. Мне бы промолчать. Меня всегда наказывают за вопросы. Но молчать я так и не научилась – ни дома, ни здесь. Наверное, это и есть тот самый недостаток, из-за которого отец отдал меня в школу раньше срока.

Наставница Рейлин молчит всего секунду, внимательно разглядывая меня своими аметистовыми глазами, в ожидании, что я откажусь от своих слов. Но я уже сказала. Поздно.

– Встань, Элария, – бросает она, не повышая голоса.

Я медленно поднимаюсь, чувствуя на себе внимание остальных учениц.

– Ты считаешь себя умнее традиций? – Рейлин подходит ближе, так что ее высокий силуэт закрывает солнечный свет, льющийся из окна. – С такими вопросами тебе путь только к прислуге, но уж точно не к принцу.

Усмешка рвется наружу, но я допускаю ее только мысленно. К принцу... Словно я должна спать и видеть, как прислуживаю королевскому отпрыску. Словно у меня не может быть другой мечты, кроме как стать именно его тенью, безликой и покорной, раствориться в его воле и ради чего? Ради взгляда с высоты, ради права носить на пальце серебряное кольцо, выбранное не мной, а королевской рукой?

– Нет. Я не считаю себя умнее, – отвечаю, сдерживая раздражение.

Лишние слова уже вырвались, и я знаю, чем это обычно заканчивается. Стоит мне начать спорить, как Рейлин тут же назовет меня дерзкой и отправит на наказание. Придется таскать на плечах тяжелую каменную плиту столько, сколько ей вздумается, а ночью застирывать воротник платья, на котором снова проступят пятна крови.

– Тогда повторяй клятву, Элария Дарр, – строго велит наставница. – До тех пор, пока не поверишь в нее сама. Или пока не останешься здесь на второй год.

Я сжимаю пальцы и начинаю по инерции повторять заученные слова, потому что они для меня ничего не значат.

– Громче, – требует Рейлин.

– Клянусь служить...

Бросаю взгляд в зеркало, наблюдая за отражением: наставница стоит за моей спиной, высокая, сухая, с прямой спиной. На лице острые скулы, тонкие губы, глаза холодные и внимательные, ни малейшей мягкости. Белоснежные волосы заплетены в строгий узел, бордовая мантия плотно облегает плечи, подчеркивая жесткость ее осанки. Мое отражение рядом с ней кажется прозрачным – я хрупкая, светлая, со сжатыми губами, на фоне ее властной фигуры исчезаю. Бледная кожа светится в полумраке учебного зала, волосы затянуты в строгий хвост, ни одной лишней пряди, все как велит устав. Тугая ткань белого платья не дает расслабиться, широкий пояс жмет так, что каждый вдох дается через силу. Я должна быть такой, как все. Не делать лишних шагов, не поднимать взгляд выше, чем нужно, не выделяться ни словом, ни движением. Потому что я – будущая хладница.

В школе «Ордонанс» учатся многие эриды, здесь все устроено строго и по правилам. Девочек, как меня, готовят служить при дворе или в домах знати, а мальчиков обучают на усмирителей. Для нас главное – спокойствие, выдержка, умение подавлять собственные чувства. Для мальчиков важнее сила, быстрая реакция, способность работать с толпой и справляться с массовыми волнениями.

Выпускники школы называют хладницами – стражами покоя. Наш долг – поддерживать эмоциональное равновесие у правителей и высокопоставленных лиц. Через прикосновение мы забираем у них лишние эмоции: тревогу, страх, гнев, сомнения, оставляя после себя холодное спокойствие, чтобы решения принимались с чистым разумом. Мы часами тренируемся держать спину прямо, стоя босиком на острых камнях. Нам прививают дворцовые манеры: как правильно кланяться, как держать голову, двигаться плавно и бесшумно. Важная часть занятий – контроль над лицом. Никаких лишних эмоций, ни страха, ни отвращения, ни удивления, даже если больно или рядом происходит что-то пугающее. На уроках мы повторяем поклоны до одеревенения спины, пересказываем хроники, учим наизусть имена и титулы, и все это ради того, чтобы не забывать, что эриды – часть человеческого порядка. Все, что нам позволено, это повторять чужие истины, не задавать вопросов и быть тенью для других.

Слова клятвы застревают на языке. Я повторяю слова громче, чем прежде, но все внутри сопротивляется, словно во всем смысле клятвы одно единственное значение: «Я не принадлежу себе».

– Достаточно, – резко обрывает наставница. Она склоняет голову и пристально смотрит на меня, оценивая, сколько во мне осталось воли. – Пока повторение клятвы окончено. Сейчас мы повторим хроники Веларрона. Далия, начинай.

Далия гордо поднимается. Она всегда была одной из лучших учениц: трудолюбивая, целеустремленная, без богатого происхождения за спиной. Не то что я. Мое место в школе – заслуга рода Дарр, а не личных качеств. И Далия это знает. Все знают.

– Веларрон не всегда был единым, – уверенно и немного торжественно начинает она. – В далекие времена, когда еще не было эридов, на северо-западе Альверонда существовало два клана: Эрданов и Расселов. Они враждовали между собой, желая отобрать земли, силу и власть друг у друга. Между ними не было ни мира, ни доверия.

Далия задерживает взгляд на остальных ученицах, проверяя, слушают ли ее все. Виена сидит настороженно и в то же время что-то быстро подчеркивая в своей тетради. Она всегда так делает, когда нервничает. Мирель, сидящая за соседней партой, закатывает глаза, наблюдая за ней.

– Годы шли в мелких распрях, а потом дело дошло до войны. Два сильнейших клана вышли на поле боя. Многие месяцы шла кровавая битва, едва не погубившая оба народа. Люди сражались до изнеможения, вокруг лежали мертвые воины, земля была пропитана кровью.

Рейлин одобрительно кивает, привыкшая к тому, что Далия знает историю назубок.

– Элария, продолжи, – бросает она, складывая руки перед собой, показывая этим жестом, что готова выдержать натиск, если я опять начну спорить.

– На поле боя, под утро, когда густой туман смешался с морозным инеем, – начинаю я, вспоминая строки из хроник, – из Серебряной Тени вышли существа. Они были похожи на людей, но белые, как снег, а глаза у них сверкали фиолетовым. Воины Лаврелия Рассела посчитали их посланниками богов, пришедшими наказать людей за кровопролитие. В панике они бросили оружие и бежали. А Халевир Эрдан, столкнувшись с силой этих существ, увидел в них не кару, а благо для своего народа и возможность. Он дал им имя – эриды и заключил соглашение: помощь в войне в обмен на право остаться среди людей. С поддержкой эридов Халевир одержал победу, покорил соседние земли и объединил их. Так возникло государство, которое он назвал Веларрон. Именно с этого момента и началась наша связь с людьми, сначала как союзников, потом как часть их влас...

– Лиетта, продолжи, – перебивает Рейлин, переводя взгляд на самую младшую среди нас.

Лиетта резко поднимает голову, только сейчас замечая, что на нее смотрят. Она подскакивает с места, сжимая руки в кулаки, чтобы не тряслась.

– Так начался период, который мы называем Золотым веком. В честь союза людей и эридов в Веларроне возвели дворец. Позже именно его залы стали основой школы, где начали обучать будущих усмирителей и хладниц. Теперь мы называем ее Ордонанс. Здесь нас учат... – она запинается, ловит взгляд наставницы, потом продолжает тише, – учат служить людям, поддерживать порядок, следить, чтобы страх и злость больше не разрывали государство. Эриды стали главными хранителями порядка. Их... наш долг – подавлять бури в сердцах, защищать принцев от... опасностей, скрытых и... явных.

– Громче, – холодно требует наставница. – Не бормочи, говори для всех. Речь хладницы должна быть четкой и ясной, без запинок и сомнений.

Лиетта поднимает голову, делает вдох.

– Без человеческих эмоций мы не можем существовать. Говорят, если бы не люди, если бы не их эмоции... эриды бы замерзли. Если рядом не будет ни одного человека, если совсем не будет чувств... кровь застынет, тело покроется инеем. Люди питаются хлебом, мясом, а эриды – имфирионом. Без него мы... просто замерзнем.

Ее слова обрываются, с каким-то щелчком.

– Это же страшилка, да? Такого не бывает... – Лиетта смотрит на наставницу, выискивая в ее лице малейший намек на опровержение.

– Давай на тебе проверим? – бросает Мирель, не упуская случая припугнуть младшую. – Посадим в кладовую, одну без людей. Вот и узнаем, правда или нет.

В ее взгляде появляется холодное любопытство, она склоняет голову набок, наблюдая за Лиеттой, которая сжимается и пытается сделать вид, что не боится.

Я опускаю взгляд на свои руки, стараясь не выдать ничего лишнего. Нас пугают с детства, что если не будешь служить рядом с людьми, то превратишься в лед. Глупо в это верить. Да, мое тело не такое горячее, как у людей, но чтобы действительно замерзнуть? Чтобы покрыться инеем? Никто из нас не решался проверять это.

– Мы обязаны помнить, что существуем не для себя, – добавляет Мирель возвращая разговор обратно к порядку. – Служба – это единственный смысл для нас. Так было всегда. Двор, династия, Веларрон – все держится на нашем долге. Если мы забудем, для чего мы пришли в этот мир, если потеряем уважение к людям, мы исчезнем вместе с Золотым веком. Именно поэтому клятва – это не просто слова, а то, что нас удерживает от...

– Достаточно, – резко останавливает Рейлин. – Я хочу, чтобы каждая из вас запомнила, что долг эридов – служить, а не испытывать сомнения. Серебро служит, золото правит. Это закон, и никакие сказки его не изменят. Повторите.

– Серебро служит, золото правит, – хором повторяют все, как одна.

Наставница задерживает взгляд на мне, убеждается, что я повторила вместе со всеми, и только потом двигается дальше, скользя вдоль рядов. Виена выпрямляется, когда Рейлин проходит мимо нее. Эта эрида одна из немногих девочек, кто так и не привыкла к суровой жизни школы и всегда выглядит растерянной на фоне остальных. Пару месяцев назад, пока все спали, кто-то обрзал ей волосы до плеч, и теперь они заметно короче, чем у других учениц. Виена боится, что из-за этого ее не только не допустят ко двору, но и ни одна уважаемая семья не захочет принять ее к себе.

– Напоминаю, – звонкий голос Рейлин нарушает тишину в зале, – через неделю состоится Обряд избрания. Тем, кому в этом году исполнилось двадцать два года, отправятся во дворец и будут представлены перед Его Высочеством, наследным принцем Дарианом Эрданом. Он сам выберет, кто станет его хладной тенью. Остальные будут распределены между его приближенными: советниками и старшими, а кого не выберут вовсе, тех отправят в Ордонанс на дальнейшее обучение. Не думаю, что многие из вас мечтают вернуться, поэтому советую начать думать не о себе, а о долге.

Мне не нужно смотреть по сторонам, чтобы почувствовать, как от этих слов воздух становится тяжелее. Обряд избрания это то, к чему нас готовят с первого дня в этой школе. Все, даже самые смелые девочки задерживают дыхание, опасаясь, что слишком громкий вдох оставит их еще на один год в этих стенах.

– Почему выбирать себе хладницу может только принц? – спрашивает Лиетта, не опасаясь, ведь ее имя в списке не появится еще много лет. – А остальных просто распределяют? Разве это справедливо?

– Потому что наследный принц – будущий король, – отвечает наставница. – Его эрида не просто слуга. Она его тень, его опора, его защита. Связь между наследником и его хладницей – это ответственность перед всем Веларроном.

Она делает паузу, словно ждет, пока все это поймут.

– Только он сам может выбрать ту, кому доверит собственные эмоции, – продолжает наставница. – Остальные хладницы служат при дворе, среди советников и старших. Их выбирают исходя из нужд короны. Это традиция, установленная задолго до вас.

Для нас это объяснение не новость, но каждый раз слышать его тяжело. Мы понимаем, что одна из нас рано или поздно станет чьей-то тенью по выбору, а остальные просто окажутся распределены, как вещи, которые раскладывают по полкам. Все решат за нас, а нам останется только принять.

– Семь дней, – повторяет Рейлин, – чтобы показать свою готовность. Чтобы Его Высочество увидел в вас силу, преданность, бесстрашие. На следующем уроке будем отрабатывать

поклоны для Обряда избрания. И не забывайте, вы здесь не для того, чтобы выбирать. Вы здесь, чтобы доказать, что достойны служить. Не только трону, но и всему Веларрону. Его Высочество Дариан Эрдан наблюдает внимательно. Кто-то из вас получит шанс войти в историю своего рода, став хладной тенью при наследнике. А теперь, все встали.

Скамьи тихо скрипят, кто-то неловко задевает пол ногой, но все поднимаются быстро и одновременно. Я тоже встаю, стараясь не шуметь и не выделяться среди остальных.

– Повторяйте клятву вслух, – командует Рейлин.

– Перед народом Веларрона и домом Эрданов.

Клянусь служить и хранить покой династии,

Скрывать свои мысли и чувства,

Отказаться от желания быть свободной,

Подчиняться старшим и следовать их слову,

Принимать страх и наказание как часть долга,

Быть верной закону, не искать славы, не ждать награды,

Быть тенью среди света, и силой там, где растет тревога.

Да не отвернется от меня милость короны,

Пока служу я дому Эрданов и королю Веларрона,

Пусть клятва моя будет крепче страха и памяти,

Пусть воля короны ведет меня, а имя мое останется только в служении.

Ибо серебро служит, а золото правит.

Глава 2. служить, служить, служить

Служить, служить, служить... В голове все крутится одно и то же с самого утра. Словно я не эрида, а придворная псина, которой велено только подчиняться. Никаких своих желаний, только чужие приказы. Иногда кажется, что если вбить это слово в меня достаточно глубоко, я перестану быть собой и стану идеальной хладницей – такой, какой хотят видеть все остальные. Может, тогда и голос в голове затихнет.

Ступни саднят после утренней тренировки. Опять стояли целый час на острой гальке у реки – наставница говорила, что так вырабатывается выносливость. Наверно во дворце, по ее логике, нас всерьез будут гонять босиком по битому стеклу и камням. Но никто не спорит с правилами, все терпят, как и положено будущим хладницам.

Иду по людскому рынку, стараясь держаться в тени и не смотреть никому в лицо. Сколько бы нас ни учили держать дистанцию, люди все равно норовят заглянуть в глаза. Волосы я спрятала под капюшон, но взгляд всегда на виду.

Аромат еды щекочет нос, непривычно и приятно. Каждый раз удивляюсь этим запахам: пряная рыба на прилавке, жареные лепешки, сладость меда и хмеля, что-то свежее и горьковатое.

Я отворачиваюсь, проходя мимо площади. Сегодня там особенно шумно. Кого-то как раз вывели к столбу, и толпа уже собралась плотным кольцом вокруг него.

– Он не поклонился! – выкрикивает кто-то с надрывом. – Прошел мимо процессии и даже головы не склонил!

– И еще спорить начал, – добавляет другой голос. – Сказал, что не видел знамени!

Я все-таки бросаю короткий взгляд на площадь и вижу мужчину, привязанного к столбу. Он смотрит по сторонам с такой растерянностью, будто сам не понимает, как оказался здесь.

– Закон один для всех, – произносит стражник, обходя столб и проверяя узлы. – Неуважение к власти – не пустяк.

Толпа одобрительно гудит. Я слышу, как рядом женщина сжимает в ладони камень, и понимаю, что каждый здесь спешит доказать свою преданность раньше других. Первый бросок получается неловким, камень падает у ног мужчины, но второй летит точнее и ударяет его в плечо, так что он вздрагивает.

Я отворачиваюсь окончательно и ускоряю шаг. Не хочу смотреть на это, ненавижу весь этот людской порядок, в котором за забытый поклон можно расплачиваться кровью.

Прохожу мимо трактира с облупленной вывеской, на которой углем нарисован черный кот без половины хвоста, и шаг сам по себе становится медленнее. Я не собираюсь заходить, мне туда нельзя. Просто... тянет. И кажется, что даже сейчас сквозь уличный шум я слышу тихую музыку.

Марек... Стоит вспомнить его имя и внутри все содрогается от воспоминаний. Забавно, что из всего моего детства сильнее всего в памяти остались его ладони, теплые, грубые от работы в мастерской, и звуки виели, которые он вытягивал.

В шесть лет мне дали его как человека, к которому я должна была ходить каждый день. Отец тогда сказал, что я должна учиться забирать эмоции тихо и не мешать. Но Марек никогда не умел быть тихим. Он мог рассмеяться так, что казалось, его маленькая комната на чердаке вот-вот треснет от этого звука. А иногда он просто сидел молча, и тогда я чувствовала его тревогу и старалась убрать ее, как могла.

Помню его серые глаза, в которых всегда жило что-то мягкое, по-человечески теплое. Его волосы, уже с проседью, всегда были взъерошены, словно он только что вышел на ветер, хотя весь день мог просидеть за столом. Щетина придавала лицу суровость, но стоило ему

улыбнуться, как она тут же исчезала, и в уголках глаз собирались мелкие морщинки, от которых становилось спокойно.

Каждый вечер после работы в мастерской он садился играть на виели. Иногда наклонялся ко мне, приглашая попробовать. Я брала инструмент, деревянный корпус казался огромным, а струны упругими, и не хотели сразу поддаваться моим пальцам.

Марек говорил тихо, откидывая с лица непослушные пряди, что все время лезли ему в глаза. Он повторял, чтобы я не боялась, что пальцы сами найдут нужное место, если слушать звук, а не давить на струны силой. Я старалась. Сначала все выходило скрипучим, пальцы путались, цеплялись за одну и ту же ноту, и мне казалось, что ничего не получится. Но Марек только улыбался, мягко направлял мои руки, показывая, как правильно держать смычок, и постепенно звук становился чище, а движения увереннее.

Так проходили годы, пока однажды меня не забрали в Ордонанс. Перед отъездом Марек протянул мне виель, которую сделал сам. Он вырезал корпус из дерева, покрасил его в белый цвет и натянул серебристые струны. Он сказал, что эриды приносят людям спокойствие, но никто не думает о том, кто даст спокойствие самим эридам. И попросил, чтобы звук этой виели стал для меня умиротворением.

Дверь трактира вдруг распаивается, и наружу вылетает поток звука. Люди громко разговаривают, кто-то смеется, и среди всего этого я слышу знакомые ноты виели. Простая мелодия катится по мостовой, словно касается меня и пробивает до дрожи.

Сегодня седьмой день недели, я вспоминаю об этом только сейчас. Марек всегда играл именно в такой день. Может ли это быть он? Я не знаю. Прошло слишком много времени. С той минуты, как меня забрали в школу, я больше его не видела. Привязанность для эриды – преступление. Любая слабость становится поводом для наказания, а воспоминания только помеха для службы.

Я отвожу взгляд и делаю шаг в сторону, боясь, что кто-то узнает во мне ту девочку, что сидела у ног старого музыканта и слушала виель, затаив дыхание. Поправляю капюшон и иду дальше, стараясь снова стать просто прохожей, которую никто не замечает.

В голове звучат названия трав. Валериана, Melissa, ромашка... шал... как же она называется? Я едва слышно шепчу себе под нос, чтобы не сбиться. Смешно, но с сегодняшнего дня каждая хладница должна разбираться в травах. Новый приказ, новая забота. Теперь нам велели готовить отвары для сна. Для принца, конечно. Сначала клятвы, потом бесконечные хроники, теперь еще и это. Завтра, может, заставят учиться владеть мечом? Хотя нет, нам нельзя носить оружие. Эриде положено служить. Быть спокойной тенью, никогда оружием.

Отвар для сна. Принц плохо спит, значит, я должна принести ему травы. Не лекарь, не знахарь, а я. Все снова упирается в то, что я должна. Глубоко втягиваю воздух и сейчас кажется, что я чувствую собственный гнев, но нет. Откуда-то тянется чужой, холодный, колючий шлейф. Не мой.

В следующую секунду меня накрывает сильная волна, как удар, который невозможно пропустить. Ненависть, ярость и странный азарт, будто кто-то стоит на пороге броска и ждет сигнала. Эмоция цепкая, насыщенная, притягательная, в ней явно прослеживается острый вкус риска. Я останавливаюсь и медленно оглядываюсь в поисках того, кому принадлежат эти эмоции. Рынок шумит сильнее обычного, люди спорят из-за рыбы, дети визжат, старуха ругается с парнем у телеги. Вроде со стороны все как всегда, но внутри меня растет уверенность – что-то здесь не так.

Гул становится громче, и с другой стороны рынка вспыхивает ссора. Сначала я думаю, что снова спорят из-за цены, но голос звучит резче.

– Верни или я возьму сам.

Толпа на миг расходится, и я вижу двоих. Мальчишка лет двенадцати стоит, прижав к груди мешок так крепко, что пальцы побелели. Он худой, одежда потрепанная, лицо запылено, волосы спутаны. Его взгляд мечется, выискивая путь к отступлению.

– Я... я не брал ничего...

Перед ним стоит мужчина в черном плаще. Он выше мальчишки почти вдвое, лицо закрыто капюшоном, и только когда ветер сдвигает ткань, я вижу его глаза – ледяные, как дно горного озера. И что-то в его взгляде пробирает меня до мурашек, слишком уж много в них хладнокровия.

– Мой кошелек, – повторяет он, протягивая руку ладонью вверх. – Не усложняй, мальчик.

– Я... правда не трогал, клянусь! – воришка делает шаг назад, спотыкается о чью-то обувь, останавливается и ищет глазами хоть одного человека, который встанет за него, но никто не спешит его защищать.

– Тогда тебе нечего бояться, – тихо говорит мужчина. – Открой мешок.

Мальчишка мотает головой, и в его глазах уже не только страх, но и отчаяние.

– Не буду. Там только еда... Я заработал, честно!

– Честно, – мужчина усмехается и рывком хватается его за ворот, подтягивая к себе.

Толпа замирает. Никто не вмешивается.

В Веларроне закон к воришкам суров: если поймали, то никто не станет защищать, а если украл, то расправу устроят тут же, на месте. Могут избить, выгнать из города или вовсе казнить. Это назидание для остальных, никто не осудит мужчину, если он пустит кровь воришке на глазах у всей толпы. Здесь это считается порядком, а не жестокостью.

Толпа вокруг сгущается, вскрики проходятся по рядам:

– Проверь его мешок!

– Слишком дерзкий для нищего!

– Пусть покажет, что там!

Я слышу этот гул одобрения, оглядываясь по сторонам. Почему здесь нет ни одного усмирителя? Рынок ведь то место, где такие стычки случаются каждый день, где их ждут, чтобы навести порядок. Но сейчас ни одного знакомого силуэта, ни белых волос, ни черной брони усмирителей. Если вмешаюсь, наказания не избежать. Мне не положено. Хладница не должна бросаться спасать мальчишек из толпы, не должна вставать между человеком и их законом.

Мужчина вынимает из-за пояса короткий нож. Одним движением прижимает мальчишку к себе и тонкое лезвие тут же упирается в хрупкую шею.

– Давай, покажи всем, что прячешь.

Воришка едва дышит, его большие голубые глаза становятся еще шире. Он вцепляется в мешок с такой силой, словно это его единственная защита. Вокруг люди стоят, ожидая, когда все закончится быстрой расправой, а я должна молчать, должна стоять в стороне и просто смотреть, так велят правила, так требует мой долг. Но я не могу. Проклятие, не могу.

Я больше ни о чем не думаю, ни о наказании, ни о том, что собираюсь пойти против человека. Просто продвигаюсь вперед, отталкивая от себя потные руки и чьи-то плечи. Холод проходит по коже, потому что я понимаю, что сейчас нарушаю все наставления, которые мне давали.

– Хватит. Оставь его, – говорю, когда оказываюсь рядом.

Мужчина медленно переводит взгляд на меня, и теперь я отчетливо вижу его тяжелый, уверенный взгляд. Он оценивающе смотрит на меня, как если бы я была забавой, которую подбросила улица.

– Что же ты, хладная эрида, решила вмешаться? – Голос у мужчины тянется издевательски лениво. – Ты ведь для другого создана. Покой приносить, умиротворение... а не спасать уличную шваль.

Я невольно вдыхаю его эмоции, как вдохнула бы запах дыма, и меня пронзает резкий, обжигающий аромат: смесь металла, мокрого камня и сладковатого угара, от которого становится муторно. Так пахнут азарт, злость, смешанные с животным удовольствием. Словно он наслаждается тем, что происходит. Мне становится не по себе, хочется отшатнуться,

закрыться, но его острый взгляд держит меня. Он замечает, что именно я почувствовала и в ответ уголки его губ вздрагивают, на лице появляется короткая, дерзкая ухмылка.

Я чувствую, как раздражение внутри стекает в холодное упрямство.

– Опустит нож, человек.

Он усмехается, сильнее притягивая мальчишку к себе.

– А если нет? Усмиришь меня, эрида? Ах, так тебе ж нужно меня коснуться, да? Давай, хладная. Посмеешь? Или твоя сила только для тех, кто сам кладет свою голову тебе под руку?

Нет, я не могу. Не имею права касаться посторонних на улице, это запрещено. Но все внутри протестует, ведь если я ничего не сделаю, он прирежет мальчишку прямо на глазах у всех и никто не остановит. А меня... он не тронет, не осмелится. В Веларроне никто не посмеет коснуться эриды, тем более поднять на нее руку.

Я делаю еще один шаг. Слышу, как кто-то в толпе затаил дыхание – никто не ожидал, что эрида подойдет так близко.

– Опустит нож, – повторяю, теперь уже твердо. – Немедленно. Или я сделаю то, что должна.

– Я всего лишь хочу вернуть свой кошель.

– Просто хочешь вернуть свой кошель? Тогда для чего тебе нож у горла мальчишки? Ты правда веришь, что силой получишь его?

Он сжимает челюсти, на лице появляется раздражение, смешанное с упрямством.

– У меня нет времени выслушивать вранье, – отвечает резко. – Раз отпустишь – дважды обманут. Пусть покажет, что у него в мешке.

Он прижимает нож еще сильнее.

– Раз, – мужчина начинает считать, не отводя от меня взгляда. – Два...

В этот момент мальчишка срывается с места, мечется в сторону, но мужчина дергает его на себя так резко, что тот едва не падает.

– Ай, пусти!

Голоса вокруг сливаются в общий гул, люди подаются ближе:

– Верни кошелек, живым останешься!

– Отдавай, чего прикидываешься!

– Да пусть отберет у него!

Воришка давится воздухом, когда лезвие ближе подползает к его коже.

– Помилуй Всевышний, нет у меня его кошелька, клянусь, не брал, кто-то другой украл, я не трогал...

Все происходит быстрее, чем я успеваю подумать. Я просто делаю уверенный шаг вперед и, не раздумывая, хватаю мужчину за горло. Не так, как учили, не ладонью к виску. Сжимаю его шею, вынуждая смотреть мне в глаза.

Капюшон сползает с моей головы, я стараюсь не смотреть вниз, не следить за лезвием его ножа. Все мое внимание на его лице и на эмоциях полных дикого, голодного возбуждения.

На удивление он даже не делает попыток вырваться, стоит так спокойно, словно ждал этого момента.

– Ты подошла слишком близко, эрида, – шепчет он и наклоняет голову так, что его дыхание касается моей руки. – Не боишься, что я воткну нож в тебя прямо сейчас?

– Нет, – отвечаю, и наконец забираю его эмоции. Тяну это звериное возбуждение, как умирляют не человека, а дикого хищника. И в ту же секунду понимаю, что что-то идет не так.

Вместо теплого и привычного имфириона в меня обрушивается поток, похожий на раскаленное железо. Он не гаснет, не рассеивается легкой дрожью, как обычно, а наоборот больно обжигает изнутри, выжигая все лишнее. В какой-то момент он сдавленно выдыхает, плечи опускаются, рука с ножом медленно слабеет, пальцы разжимаются, и клинок с глухим стуком падает на мостовую.

Резко отпускаю его и делаю шаг назад. Дрожь проходит через пальцы и поднимается до плеча. Сердце словно поднимается к горлу и мешает дышать. Я забрала совсем немного, лишь коснулась края его эмоций. Меньше, чем нужно даже для легкого успокоения, и если от такой крошечной доли внутри стоит жгучий жар, страшно представить, что было бы, возьми я полную меру. Не уверена, что выдержала бы этот поток.

Тело все еще горит, будто я вдохнула не эмоцию, а густой ядовитый дым. Но показывать слабость нельзя, не сейчас. Удерживаю взгляд, делаю короткий вдох и стараюсь вернуть дыхание в ровный ритм. Главное не отступить. Не дать ему понять, как сильно меня это ударило.

Мужчина резко отпускает мальчишку, теряя к происходящему интерес. Тот оседает на колени, мешок выскальзывает из рук и его тут же выхватывает женщина из толпы. Она раскрывает его на глазах у всех, морщит нос, отдергивает ладонь и вытирает ее о юбку, сердито что-то бормоча.

Внутри мешка я замечаю хлеб, пару яблок и на самом дне – плотную охапку алых и оранжевых лепестков. Огневица. Узнаю их сразу, они пахнут резко, даже отсюда.

– Смотрите сами, нет в мешке кошелька!

Женщина разочарованно бросает мешок обратно на землю, лепестки рассыпаются по мостовой, несколько яблок катятся в лужу. В толпе сразу начинается суета, неловкий шепот ползет между людьми:

– Только хлеб...

– Зря, мы его так...

– Он ведь клялся, а никто не поверил...

Смотрю внимательно на мужчину в плаще, ожидая объяснений. Он лениво встречает мой взгляд, будто вся эта сцена не стоила ему ни нервов, ни усилий. В глазах холод, но теперь в них нет ни азарта, ни ярости, только усталость и скука хищника, который уже насытился.

– Видимо, выпал где-то, – бросает он с сухой усмешкой, пожимая плечами. – Или кто-то проворнее оказался... Рынок, сами понимаете.

Он подбирает нож и убирает его за пояс. В нем нет ни сожаления, ни попытки оправдаться, только легкая, насмешливая улыбка.

Перед тем как уйти, он вдруг делает шаг в мою сторону, останавливается вплотную и наклоняется так, что его губы оказываются у моего уха.

– Неужели вкус моих эмоций тебе пришелся не по нраву, эрида?

Он ухмыляется, бросая короткий взгляд на толпу, оценивая, есть ли тут что-то еще интересное. Но любопытство угасает так же быстро, как вспыхнуло.

– До встречи, – бросает он коротко и уходит с площади.

Гул рынка постепенно возвращается, кто-то подбирает яблоки, кто-то встряхивает мальчишку, приводя в чувства, а кто-то отворачивается, словно стыдится своей же жажды расправы.

Стою, не двигаясь, смотрю вслед незнакомцу. Он идет сквозь толпу с той самой небрежной уверенностью, что бывает только у тех, кто привык выходить победителем из любой схватки. Его силуэт исчезает за поворотом, но внутри меня все еще отзывается остаток его эмоций.

Кто-то резко тянет меня за руку, и я вынырываю из своих мыслей. Передо мной стоит мальчишка, прижимая мешок к груди дрожащими руками.

– Эрида... – он смотрит на меня с отчаянием и благодарностью сразу, – спасибо... ты спасла мне жизнь... правда... спасибо...

Из толпы кто-то тут же подскакивает, грубо хватая его за плечо и оттаскивает в сторону.

– Ты что, сдурел? – шипит женщина в темном платке. – К эриде прикасаешься! Не смей, нельзя эриду трогать, понял?

Мальчик пятится, мотая головой и испуганно глядя на меня.

Я смотрю на его руки, на мешок, на лепестки огневицы, рассыпанные по мостовой, и только потом – туда, где исчез незнакомец. Рынок снова шумит, пахнет рыбой, пылью и жареным хлебом. Люди переговариваются, торгуются, ругаются. Мир собирается обратно, как если бы ничего не случилось. А я все еще стою посреди площади, где минуту назад балансировала между людским законом и собственной природой.

Остатки его ярости все еще горят внутри. Не исчезают и не рассеиваются, как обычно. Привкус злости все еще держится во мне, словно чужая тень пытается найти место под кожей. Провожу рукой по волосам, поправляю капюшон, пытаюсь вернуть лицу спокойствие. В груди перекачивается глухая усталость, но я знаю, что впереди все то же самое – список новых обязанностей, придворные инструкции, тревожные мысли.

Валериана... мелисса... ромашка... шал... Шалфей. Мне нужен шалфей.

Пальцы невольно сжимаются в кулак, чтобы не выдать дрожь. Я должна купить травы для принца.

Служить, служить, служить...

Глава 3. Камень повинности

– Если когда-нибудь надумают переименовать камень повинности, его стоит назвать в твою честь, Элария. Вот бы кого ставить в пример. Наш образец упрямства. – Далия говорит негромко, но ее слова разлетаются по строю быстрее, чем сигнал тревоги. – Ты его носишь чаще, чем все остальные вместе взятые. Скоро резьбу на ошейнике подправят специально под твой ворот.

Она смотрит на меня с лукавой улыбкой, будто ей доставляет удовольствие быть в центре этого представления, которое она устроила посреди учебного зала. Остальные девочки цепенеют. Одни стараются отвести глаза, другие, наоборот, выпрямляются еще сильнее, опасаясь, что их тоже могут наказать. Я стараюсь стоять ровно, но тяжелая базальтовая плита давит на плечи и ключицу. Камень разделен на две круглые половины с вырезом под шею, их кладут на плечи с обеих сторон, стягивают металлическими скобами и фиксируют жестким ошейником. Он лежит прямо на костях, вес распределяется неровно, и если не держать спину, одна сторона начинает тянуть вниз сильнее.

– В следующий раз она, наверное, и у виселицы кому-нибудь руку подаст.

– Далия, угомонись, – бросает Мирель с ленивым равнодушием, словно ей надоело слушать одну и ту же мелодию изо дня в день. – Ты сама этот камень таскала не меньше других. Или память короткая?

Далия фыркает, словно Мирель просто досадное препятствие в ее маленьком спектакле, и отворачивается, нарочито плавно закидывая белую косу за плечо.

– Старайся не сжимать плечи... и дышать реже, – шепчет Виена, не отрывая взгляда от пола, – тогда шея меньше болеть будет. Главное не трогай ее, если наставница заметит, сразу добавит еще час.

Я и так стою, не двигаясь, словно сама сделала из того же базальтового камня, что и плита. Даже кивнуть Виене в ответ слишком большая роскошь: если шевельну головой, камень тут же вонзится глубже, боль отзовется в плечах и шее. Лучше вообще не шевелиться и не дышать.

Наставница Рейлин выходит в центр зала, держа в руках серебристую указку, и девочки все разом выпрямляются.

– Сегодня в Ордонансе будет особый урок, – она словно коршун, проходится взглядом по нашему строю, – Иногда кто-то из вас забывает, для чего он здесь. Думает, что может выбирать между долгом и сочувствием, между порядком и жалостью. Думает, что эрида может позволить себе каплю слабости ради зрелища на городском рынке.

Как всегда. Мало ей нацепить мне плиту на шею, мало этого ежедневного позора, так теперь еще будет выговаривать при всех, читать лекцию для устрашения.

– Элария, – голос наставницы вычленяет меня из строя, – ты нарушила главный принцип хладницы. Ты забыла, что мы не судим и не спасаем. Пусть эта плита напомнит тебе, что долг хладницы – молча служить, а не вмешиваться в людские дела.

Я медленно поднимаю взгляд, хотя она этого не просит. Да, я нарушила правила. Да, вмешалась в человеческий конфликт, да, стою здесь с этой плитой на шее, но внутри все равно нет раскаяния. Потому что не жалею. Не тогда, не сейчас. Пусть Рейлин ставит меня в центр

стройка, пусть делает из меня урок для всех. Все равно я не могла иначе. Наверное... я какая-то неправильная. Если в нас действительно не должно быть сочувствия, значит, то, что я чувствовала тогда, – ошибка. Кто-то может видеть в этом слабость, изъян, то, что нужно выжечь из меня. Но я вспоминаю лицо мальчика, его страх, и понимаю, что поступила бы так же.

Не могу выкинуть из головы и взгляд того незнакомца, в котором мелькнул холодный, хищный интерес, когда мои пальцы легли ему на горло. Его эмоции до сих пор тлеют где-то в груди и не отпускают. Он не был похож на нищего: плащ дорогой и чистый, движения слишком уверенные для бедняка. Не думаю, что он бы сильно огорчился, если бы его кошелек пропал. Все в его эмоциях говорило о другом – что ему нужен был не сам кошелек, а процесс, азарт, чужой страх, вся эта короткая вспышка интереса на виду у толпы. Он ждал внимания, как если бы сам им питался.

И все же, мальчишка... Почему он так отчаянно не хотел открывать мешок? Хлеб, яблоки, лепестки огневицы... что в этом такого? Наставница рассказывала, что выжимку из этих лепестков добавляют в настои и мази, чтобы снизить жар и облегчить боль. Почему он так испугался, что кто-то их увидит?

Все это крутится в голове, не отпускает. А Рейлин продолжает читать лекцию, в надежде вытравить из нас любую тень непослушания, любую попытку сделать хоть что-то не по правилам.

– Элария Дарр, – голос наставницы становится жестче, – ты не имеешь права выбирать, кому сочувствовать. Хладница существует для порядка. Для спокойствия других, а не для своих порывов.

Она медленно проходит мимо меня, серебристая указка скользит по плите, проверяя, не ослабла ли хватка камня на моих плечах.

– Запомни: ни жалость, ни страх, ни попытки сыграть в милосердие не делают тебя сильной. Они делают тебя опасной для самой себя и для тех, кто тебе доверяет.

Она останавливается рядом, продолжая буравить меня своими фиолетовыми глазами.

– Твое счастье, что Совет уже отправил список хладниц во дворец. Уже завтра ты и шестеро учениц отправитесь во дворец, чтобы предстать перед Его Высочеством принцем Дарианом Эрданом.

Она поворачивается, указка слегка скользит по воздуху, как если бы она мечом рассекала имена.

– Также едут: Далия, Мирель, Виена, Ирей, Арисса и Кора. Всем вам завтра будет выдан хартан, сшитый индивидуально для каждой. Ни одна не имеет права появиться во дворце в чем-то ином. И, думаю, о волосах мне напоминать не стоит.

В этот момент солнце неожиданно появляется в самом окне, прямо за спиной наставницы, вспыхивая пламенем. Луч режет по залу, отражается в полированных плитах, скользит по девочкам и упирается прямо мне в лицо.

Этого мне еще не хватало. Я стараюсь не моргать и не щуриться, чтобы наставница не заметила. Если подам хоть малейший знак, что мне неудобно, она обязательно добавит еще пару часов с этим каменным ожерельем. А у меня и так уже сил нет, ворот рубашки стал влажным – ошейник разорвал кожу, и я с досадой отмечаю, что снова придется отстирывать кровь.

Наставница уже не смотрит на меня, она продолжает указывать серебряной палкой, перечислять имена и повторять: «Вы – лицо Ордонанса. Завтра ваш день...»

Завтра наступит этот странный день, которого все ждут и в то же время боятся. Придется выйти к принцу и стоять прямо перед его взглядом. Ни одна ученица так и не поняла, как вообще будет происходить выбор хладницы. Даже Рейлин избегает объяснений.

– Теперь переходим к репетиции, – наставница делает шаг вперед. – Во время церемонии, когда прозвучит ваше имя, вы должны будете войти в зал и подойти к трону. Идти медленно, спину держать прямой, голову опустить. Остановиться так, чтобы расстояние до Его

Высочества было не больше и не меньше пяти шагов. Когда остановитесь, опускаетесь на левое колено, правое вытягиваете вперед под идеальным углом, левая ладонь на колено, правая за спину. Взгляд строго в пол. Вы не имеете права смотреть на принца, пока он не обратится к вам. А теперь повторяем, Элария.

Мое имя падает в тишину, как удар по нерву. Кажется, наставница правда собирается заставить выйти меня прямо сейчас, с этой тяжелой плитой на плечах. На миг застываю, ноги перестают слушаться, но Рейлин уже смотрит прямо в мое лицо, и в этом взгляде нет ничего, кроме жесткого ожидания.

– Сделай шаг так, чтобы никто не усомнился в твоём праве служить при дворе хладницей. Если оступишься, если дрогнет лицо или, не дай Всевышний, рухнешь на пол, я догоню посла, который только что отправился во дворец, и вычеркну твоё имя из списка. Да, Элария Дарр, твоё происхождение не даст ни капли снисхождения. Вперед.

Девочки не поднимают глаз, ни одна не смотрит прямо, но я чувствую их внимание на себе. Солнце продолжает бить в глаза, узкая полоска света режет по векам и заставляет моргать чаще обычного. Кровь под воротником уже липнет к коже, и этот жгучий дискомфорт вынуждает держать подбородок выше, чем хотелось бы, чтобы не согнуться.

Хочу ли я попасть во дворец? Нет ни малейшего желания. Мысли об этом вызывают только холод. А вот желание сбежать из зала, из Ордонакса, из-под внимательного взгляда наставницы становится острым.

Делаю первый шаг. Потом второй, третий. Краем глаза отмечаю, как Рейлин следит за каждым моим движением. Её серебряная указка замирает в воздухе, готовая впиться в любую мою ошибку. Вдыхаю глубоко и медленно, чтобы не сбить ритм и не выдать лицом ни малейшего напряжения.

Перед воображаемым тронном считаю нужное расстояние. Опускаюсь на левое колено, правую ногу вытягиваю вперед под выверенным углом. Левая ладонь мягко опускается на колено, правая скрывается за спиной. Взгляд направляю в пол, точнее на камень повинности перед собой, потому что из-за неё я не вижу даже собственных ног. Лицо должно оставаться спокойным, каменным, но внутри слышится только быстрый стук крови и злое, упрямое «терпи».

Стою, сосредоточиваясь на собственном дыхании. Запрещаю себе любое лишнее движение. И в эту секунду сильнее всего хочется одного, чтобы всё это наконец закончилось.

Комната хладниц в школе Ордонакс простая и безликая: четыре одинаковые кровати, четыре тонких бордовых покрывал, у каждой – тумба и ящик для одежды. У стены тянется высокий шкаф, рядом лежат коробки для обуви. Всё ровное, аккуратное, но без тепла.

Единственное, что радует взгляд в этой комнате, – большое окно. Оно выходит прямо на внутренний сад, где посреди ухоженной зелени сверкает огромный мраморный фонтан. Вода струится по белому камню и разбивается о чашу, наполняя пространство мягким, ровным шумом. Этот звук тянется через приоткрытую створку, стирая лишние мысли, и успокаивая лучше любых наставлений.

У каждой из нас есть свой маленький ритуал, своя тихая привычка, за которую держись, чтобы не раствориться в одинаковых днях.

Кора всегда сидит с книгой в руках. Далия по вечерам рассматривает один и тот же мятый, изрядно потертый лист бумаги. Никому не показывает, что на нем изображено. Держит его так аккуратно, как если бы этот лист был самой важной частью ее жизни. Мирель каждый вечер с особой шепетильностью вычесывает волосы. Стоит перед зеркалом, тщательно собирая локоны в слабую косу и только тогда позволяет себе лечь в кровать. Виена до изнеможения проверяет рубашки и платья. Водит ладонями по ткани, ищет складки и пятна, что-то разглаживает, переспрашивает саму себя, все ли чисто. Не успокаивается, пока каждый шов не будет безупречным.

А я... Я каждый вечер выдвигаю ящик, чтобы проверить на месте ли виель. Она спрятана под сложенной одеждой, как единственная часть жизни, которая не принадлежит Ордонансу. Только я и этот белый, как иней, корпус. Иногда касаюсь его кончиками пальцев, словно прикасаюсь к чему-то, что мне не положено иметь.

Сейчас в комнате тихо, девочки ушли на «ужин». Люди называют так вечерний прием пищи, а для нас – Аль-риен. Пища не нужна эридам, нас поддерживает имфирион – энергия человеческих эмоций. В школу приходят добровольцы, каждый раз разные. В ком-то чувствуется тревога, в ком-то тоска, иногда появляется раздражение или скрытая злость. Попадаются и те, кто действительно хочет ощутить этот особый хлад, ровное спокойствие, которое дает прикосновение эриды. Есть и любопытные, которым просто хочется понять, правда ли мы забираем горе и страх.

Подхожу к узкому зеркалу в конце комнаты и пытаюсь разглядеть, насколько сильно порвалась кожа. Осторожно отгибаю ворот платья, и взгляд сразу цепляется за свежую полоску крови. Кожа вокруг шеи припухла и ноет, напоминая о каждом шаге, который пришлось сделать сегодня.

Я вытираю пальцем пятна на шее, и уже хочу отойти от зеркала, когда в отражении мелькает тень. Сначала кажется, что просто устала и глаза играют со мной, день был слишком длинным. Но тень снова движется, и в окне проступает знакомый силуэт. Широкие плечи, небрежная светлая челка, черная форма усмирителя.

– Сарен, мы же договаривались встретиться после отбоя, в саду, – слова сами вырываются до того, как он успевает поставить ногу на подоконник.

Сарен улыбается, свешиваясь с подоконника задевая щекой листья плюща, что растет на внешней стене здания.

– Позже не смог бы прийти, через час уже выдвигаюсь. На границе в Арвалесе опять что-то вспыхнуло. Говорят, бунт небольшой, но людей много, обозленные, и солдаты к ним прикнули. Наших вызывают на подавление, срочно. Но ты не переживай, твоя просьба останется у меня, я обещал, – говорит он спокойно, почти мягко, хотя в голосе слышится скрытая спешка.

Я наконец оборачиваюсь, опуская руки. Сарен стоит у окна, как чужой штрих на ровном, безмятежном листе, его темное облачение сразу бросается в глаза. В отличие от утонченного и лишенного грубости хартана хладницы, у усмирителей форма имеет тяжелые, металлические накладки на плечах и груди, а запястья закрываются кожаными наручами. Достаточно одного взгляда, чтобы понять, что его работа не о покое, а о силе.

Сарен старше меня на два года, и это видно сразу. В том, как уверенно он стоит, как спокойно смотрит, без суеты, с легкой иронией, но всегда внимательно. Мы познакомились на совместных уроках усмирения: часть практики проходила парами, мальчик и девочка, чтобы учились чувствовать эмоции друг друга, учились работать в связке. Меня выбрали к нему, потому что оба тогда считались «проблемными» – я слишком часто попадала под надзор, он слишком часто спорил с наставниками.

Теперь Сарен уже давно служит усмирителем, а я только заканчиваю обучение. Он привык к приказам, к городским стычкам, к постоянному риску, поэтому так легко согласился помочь мне.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает он и взгляд сразу падает на расстегнутый ворот моего платья. – За что на этот раз, Элария? Признавайся.

– Ты что, не слышал? – спрашиваю, смотря на него снизу вверх. – Кажется, уже половина Веларрона шепчется. Хладница, видите ли, посмела вмешаться в людской спор на рынке. Нарушила древние порядки, спасла мальчишку, вместо того чтобы стоять в стороне и наблюдать за расправой. Теперь вот, расплачиваюсь за свое великое милосердие.

Сарен качает головой, на губах появляется тень улыбки, больше усталой, чем ироничной.

– Только ты могла так вляпаться, – тихо говорит он, опуская взгляд. – Знаешь, что наставницы теперь будут делать из тебя пример для всей школы?

– Пусть делают, – отвечаю, складывая руки на груди. – Я не собираюсь извиняться за то, что сделала. Может, хоть кто-то из этих детей поймет, что эриды не просто часть чужого порядка.

– Да, вот только это никого не интересует, – вздыхает Сарен, опираясь ладонями о подоконник и бросая короткий взгляд в сторону сада. – Не думай, я не защищаю правила. Просто хочу, чтобы ты осталась цела. Ордонанс всегда был строг к тем, кто выделяется.

– Завтра я уйду отсюда. У нас обряд Избрания. Хладниц отправляют во дворец.

– Уже завтра? Вот как... Значит, ты станешь придворной.

– Ты же знаешь, у меня не было выбора, – качаю головой. – Было бы проще, если бы направили хоть в какую-нибудь семью, к купцу или вдове. Но отец считает это позором для нашего рода. Он бы не позволил мне служить «на задворках», как он говорит. Это все равно что признать себя хуже остальных.

Я замолкаю, чувствуя, как усталость накрывает сильнее от этих слов.

Сарен кивает, смотрит на меня внимательнее.

– Все равно ты достойна большего, Элария. Не важно, что думает Арвель Дарр или кто-то еще. Главное, чтобы ты сама знала, чего хочешь.

Я не сразу отвечаю. Если бы знала, давно бы не стояла в этой комнате, не прятала виель под одеждой, не ловила бы эти слова поддержки, как последнюю подачку. Но внутри пусто. Не хочу ни дворца, ни семей. Хочу только уйти. Стать собой, если такое вообще может случиться.

В этот момент слышу за дверью шаги и голоса – девочки возвращаются. Осталась минута, может, меньше. Быстро подхожу к шкафу, резко выдвигаю ящик, беру виель.

– Сарен, – оборачиваюсь и протягиваю инструмент ему в руки. – Сбереги ее, ладно? Мне нельзя брать с собой ничего, а это единственное, что у меня есть. Может быть... когда-нибудь ты мне ее вернешь. А может, сама заберу. Но пусть она будет у тебя.

Он принимает виель осторожно, словно держит не дерево, а что-то очень хрупкое. И впервые в его взгляде появляется не просто забота, а понимание того, сколько для меня значит этот кусочек прошлого.

– Не волнуйся, оставлю в казарме под замком, – обещает он, улыбаясь уголками рта. – Никто не посмеет ее коснуться. Клянусь, Элария.

Сердце ноет в груди, будто отдаю часть себя. Но вслух таких слов сказать не могу.

– Возвращайся живым, Сарен. Без тебя мне даже спрашивать будет некого, как там в большом мире.

Он усмехается, прячет виель за спиной и опирается на подоконник, глядя на меня с той теплотой, которая всегда пробивалась сквозь его усмирительскую броню.

– Клянусь, я вернусь, Элария. Помнишь наши разговоры в саду, под тем старым деревом? Я обещал, что заберу тебя отсюда. Увезу подальше от этих стен, от Ордонанса, от всей этой службы, что душит нас. Мы поедem в Элмор, и я покажу тебе море. Ты же столько раз рассказывала, как мечтаешь о нем. Я не забуду. Только держись там, во дворце, и жди меня.

Его слова повисают в воздухе, как эхо далекого шума волн, о которых я слышала только в историях. Я всегда мечтала о море в Элморе, с тех пор, как Марек впервые рассказал о нем, рисуя в моей голове картины своими словами. Я представляла, как стою на берегу, босиком на мокром песке, а внутри только свобода, такая огромная, что пугает и манит одновременно. Место, где можно просто стоять на берегу и чувствовать, как ветер уносит чужие эмоции, оставляя только мою собственную тишину. Но теперь эта мечта кажется далекой и хрупкой. А если Сарен не вернется? Что, если это всего лишь слова, чтобы подбодрить меня перед разлукой? Но в его глазах нет лжи, только та же решимость, что помогла нам обоим выстоять столько лет в этих стенах.

Я киваю, стараясь не показать, как внутри все содрогается от смеси надежды и страха.

– Держи слово, Сарен. Я буду ждать. А ты... береги себя там, на границе.

– Договорились. А ты там, во дворце, смотри не раздобрей на королевском имфирионе. А то вернусь – не узнаю.

Шаги в коридоре все ближе. Я смотрю на Сарена в последний раз и, не оборачиваясь, отпускаю руку, давая понять – все, пора.

В следующий миг он уже исчезает за окном, растворяясь в ночи.

Глава 4. Тень для трона

Харган – белоснежный комбинезон с высоким воротом и длинными, узкими рукавами, сковывает каждое мое движение. В нем нельзя сутулиться, нельзя согнуться, нельзя даже на мгновение расслабить спину. Плащ добавляет еще одно испытание. Непонятно, зачем он нужен, если комбинезон и так скрывает все. Белоснежная ткань тянется за мной, когда я разворачиваюсь в строю, длинный шлейф путается в ногах, нарочно мешая двигаться быстрее. Вроде бы должен добавлять величия, а кажется наоборот, удерживает, как якорь на месте.

Рядом стоят еще шесть хладниц. Рейлин выстраивает нас в линию и внимательно осматривает одну за другой. Она двигается вдоль ряда, кому-то поправляет ворот, кому-то разглаживает рукава, проверяет, на месте ли серебряные запонки.

– Все готовы. По лошадям.

Мы одновременно разворачиваемся и выходим во внутренний двор. Там уже ждут светло-серые кони с коротко подстриженной гривой и серебристой сбруей. Я останавливаюсь у своей кобылы. Ее зовут Лира, она высокая и крепкая, с ровным светлым пятном на лбу. Взгляд у нее внимательный, как у старого друга, который никогда не выдаст твой секрет.

Взобраться в седло оказывается отдельным испытанием. Комбинезон тянет и не дает свободы движению, а ведь хладница должна двигаться легко и уверенно, любая оплошность обернется позором на весь Ордонанс. Я подхватываю плащ, чтобы он не мешал, крепко беру Лиру за гриву и одним выверенным движением оказываюсь в седле. Верховая езда для хладницы – часть обязательного обучения, потому что служба требует сопровождать своего господина повсюду, будь то прогулка, дорога или парад.

Краем глаза замечаю, как Виена медлит у своей лошади, путаясь в плаще и на мгновение теряет равновесие.

– Виена, держи спину, – делает замечание наставница, одним легким движением взбираясь на своего коня. – Если ты не можешь сесть в седло без помощи, объясни мне, как собираешься сопровождать своего господина? Быстрее и не позорь строй.

Виена резко выпрямляется, сжимая губы в тонкую линию, и видно, как ей трудно справиться с неловкостью, но она все же собирается, подтягивает плащ и садится в седло.

Мы выстраиваемся так, как отрабатывали сотни раз. Впереди наставница, за ней Далия, прямая и собранная, словно древко копья, рядом статная Мирель с тяжелым взглядом, от которого хочется держаться подальше. Следом наша тройка, Арисса тонкая и бледная, с острым подбородком и хвостом, затянутым так туго, что кожа на висках кажется натянутой, я в центре, а слева Ирей, самая низкая, с дерзко приподнятыми бровями и цепким взглядом. Позади нас держатся взволнованная Виена и Кора, которая старается всячески сделать вид, что для нее этот выезд не значит ничего особенного.

Рейлин дает знак, и мы одновременно трогаемся с места. Ворота Ордонанса раскрываются и нас встречает центральная улица Веларрона. Она широкая, мощенная светлым камнем. По обе стороны тянутся высокие здания с арками и балконами, фасады украшены резьбой и гербами старых родов. Камень здесь светлее, чем в остальном городе, будто сам Веларрон старается выглядеть чище и величественнее, чем он есть на самом деле. В окнах мелькают лица, кто-то выходит на балконы, кто-то останавливается прямо на мостовой, уступая нам дорогу. Люди сдержанно расступаются, но я чувствую их эмоции. Волнение, любопытство, почтение, иногда страх. Для них мы часть порядка, живая гарантия того, что город не сорвется в хаос.

– Это ж хладницы...

– Говорят, одна из них станет тенью самого наследника...

Я держу лицо неподвижным, но в голове снова и снова прокручиваю одно и то же. Как войду в зал, сделаю первый шаг, второй, третий. Выпрямлю спину, опущу подбородок, отсчи-

таю ровно пять шагов до трона, ни больше, ни меньше. Уверенно опускаюсь на левое колено, так чтобы движение выглядело сдержанным и спокойным, положу левую руку на колено, правую уведу за спину, а голову склоню совсем немного, не к полу, а так, чтобы взгляд упирался в его сапоги и ни на миг не поднимался выше.

Любая эрида с рождения умеет поглощать человеческие эмоции. Это не то, чему нас учат, не навык, который можно привить или отнять. Это просто есть. Мы чувствуем волнение, страх, ярость, тоску так же естественно, как люди чувствуют голод. Мы забираем это в себя, и от этого становимся сильнее, а людям становится легче. В этом и есть смысл нашего существования, по крайней мере так всегда говорили. И все же иногда мне кажется странным, насколько сильно всех волнует не это, а наше обличье. Не то, что мы умеем, не то, что можем удержать целый зал от паники одним прикосновением, а то, как именно мы стоим, как двигаем плечами, как часто моргаем, под каким углом наклоняем голову. Нас часами учат правильной походке, дыханию, взгляду, как если бы от этого зависел сам порядок этого мира.

Сжимаю поводья крепче, повторяя этот порядок снова и снова, как спасительную последовательность, потому что пока я думаю о шагах и позе, мне не нужно думать о выборе, который будет сегодня сделан за меня.

Впереди уже видны массивные дворцовые ворота, обитые темным железом, и на них отчетливо проступает герб династии Эрдан – дракон с широко раскинутыми крыльями и разинутой пастью. За воротами возвышается сам замок. Он строгий и неприветливый, лишенный украшений, сложенный из темно-серого камня, с резкими ребрами и углами.

Мы замедляем ход у кованых ворот, из которых сразу появляются конюхи, они берут лошадей под уздцы и ведут нас внутрь по узкой дорожке, которая тянется к главному входу. Только после этого Рейлин дает короткий знак, и мы спешиваемся.

Я соскальзываю с седла и передаю поводья юноше, который подходит ко мне первым. В его эмоциях на миг вспыхивает неловкий интерес, желание рассмотреть и понять, правда ли мы такие, какими о нас говорят. Он сразу ловит себя на этом, резко отводя взгляд, и осторожно берет поводья, стараясь не коснуться моих пальцев. Лиру уводят прочь, и вместе с ее шагами постепенно гаснет и его смущенное волнение.

Едва я успеваю встать в строй, как вдруг чувствую знакомое, холодное давление. Это ощущение невозможно спутать ни с чем другим. Так рядом бывает только со старшими эридами.

– Вы прибыли вовремя, – голос звучит ровно и низко. – Совет оценит вашу пунктуальность.

Я поднимаю взгляд и вижу Арвеля Дарра. Он стоит в стороне от входа. Высокий, в темном одеянии, которое резко контрастирует с нашей белизной. Ткань дорогая, плотная, без лишних украшений, но каждый шов говорит о статусе. Белые волосы убраны в аккуратный, низкий хвост, лицо спокойное, мягкое, но это спокойствие обманчиво, ведь я знаю его слишком хорошо.

Арвель мой отец. По крови, но не по сути. Он никогда не говорил этого вслух при других, и я тоже. Для двора я просто Элария Дарр, представительница древнего рода. Для него я удобная фигура, вложение, которое наконец-то привели к месту назначения.

– Мои хладницы прибыли в полном составе и в должном виде, – ровно отчитывается Рейлин, но в этом спокойствии слышится сталь. – Они готовы к представлению и не нуждаются в дополнительной проверке на пороге дворца. Ордонанс отвечает за их выучку и дисциплину.

Она делает шаг вперед, становясь с ним на одну линию, а я чувствую, как между ними натягивается что-то невидимое и острое. И я слишком хорошо знаю почему.

Арвель Дарр занимает должность глашатая короны, главного эридского советника при короле. Через него проходят все тонкие договоренности между людьми и эридами.

Когда прежний глашатай умер, Совет выбирал между ними двумя. Рейлин тогда была одной из сильнейших и опытных хладниц. Холодной, жесткой и безупречной. Они оба претендовали на это место. Но Совет выбрал Арвеля, а Рейлин отправили в Ордонанс, доверив школу хладниц, будущих теней при дворе. Формально это выглядело как честь и ответственность. На деле это было отстранение от короны, шаг в сторону, туда, где подготавливают тех, кто будет служить другим.

– Это важный день, – произносит Арвель, складывая руки за спиной. – Сегодня вы перестаете быть ученицами Ордонанса и становитесь частью двора. Для некоторых из вас это станет честью. Для других – испытанием. Совет ожидает от вас безупречности.

Он делает короткую паузу, давая словам повиснуть в воздухе, и медленно проходит взглядом по каждой из нас, не задерживаясь, демонстративно соблюдая равенство, но я слишком хорошо чувствую, на ком сейчас сосредоточено его внимание. Как и у любого взрослого эрида, лицо Арвеля неподвижно, ни одна эмоция не отражается во взгляде. Его эмоции скрыты глубоко, утоплены в холодном самоконтроле, который оттачивают годами. Они не вспыхивают и не вырываются наружу, как у людей, и даже не отзываются привычной дрожью, как у молодых эридов. Но я чувствую их под этим ровным слоем, ощущаю так ясно, что не остается сомнений. В моем отце уже есть уверенность и принятие одного единственного исхода сегодняшнего дня, что именно я стану хладницей наследного принца. И он даже не допускает другого варианта.

– Церемония пройдет в тронном зале, – продолжает он, уже уводя взгляд в сторону замка, будто для него разговор со строем на этом исчерпан. – Вас проведут к западному входу. Там вы будете ожидать. Каждая по очереди.

Он делает короткий жест, и из тени у стены выходит его помощник. Я узнаю его сразу, даже раньше, чем поднимаю взгляд.

Эзар Дарр.

Мой старший брат.

Тот, кем Арвель всегда был доволен. Тот, кого ставили в пример в Ордонансе. Тот, кто никогда не спорил, не выделялся, не задавал лишних вопросов. Он выбрал путь служения власти эридов, и прошел его без единой трещины.

Брат останавливается рядом с отцом, одетый в такое же темное одеяние. Длинные, гладкие волосы аккуратно уложены, взгляд спокойный и выверенный, такой же, как у Арвеля. Тот самый взгляд, которым смотрят на порядок, который нужно сохранить.

– Эзар, проводи хладниц во дворец. Всех, кроме Элэрии, – приказывает Арвель.

Эзар коротко склоняет голову, принимая приказ, но на его лице ничего не меняется. Он поворачивается к девочкам и делает сдержанный жест рукой, обозначая направление. Одна за другой они следуют за Эзаром, исчезая в глубине коридора.

Я остаюсь одна, и пустота между мной и воротами сразу становится ощутимой, как холод между лопатками. Знаю, что сейчас будет. Слишком хорошо знаю.

– Я слышан о твоём выступлении на рынке, – говорит отец первым. – О том, как ты грубо вмешалась в человеческий спор. Слухи распространяются быстро, особенно когда речь идет об эриде, забывшей свое место.

Я сдерживаю желание сказать что-то в ответ, потому что любое слово сейчас будет звучать как оправдание. А оправдываются те, кто надеется, что их поймут. Меня не поймут. Не отец.

– Мне пришлось приложить немало усилий, Элария, чтобы эти разговоры не дошли до стен замка. Совет не должен узнать, что моя дочь вмешалась в людскую расправу. Уверяю тебя, если бы не мои связи, то обсуждали бы уже не твой отбор, а твой проступок.

Он делает шаг ближе, и холод его присутствия становится ощутимее.

– В официальных записях указана другая хладница. Ее имя уже принято, наказание назначено, вопрос закрыт. С твоей наставницей я договорился. Для всех это была не ты. И ты должна забыть об этом так же, как и они.

Я сдерживаю порыв посмотреть ему в глаза. Вместо этого взгляд утыкается в пустоту над его плечом, в серый камень стены, в никуда.

Из-за меня...

Чувствую, как сердце сжимается под ребрами, и тут же заставляю себя выровнять дыхание. Из-за того, что я вступилась за мальчика, отец позволил наказать другую. Я ведь не хотела этого и не собиралась подставлять кого-то вместо себя, не думала ни о чем наказании в тот момент, когда просто сделала шаг в защиту ребенка.

– Сегодня важный день, Элария, – продолжает он после короткой паузы. – Ты должна войти в тронный зал и выйти оттуда хладницей наследного принца. Ты сделаешь все, чтобы Его Высочество увидел в тебе нужную ему тень. Мое положение не даст тебе никаких преимуществ, Дариан Эрдан будет выбирать сам, и, если потребуется, ты будешь стоять у его ног, ждать, терпеть, подстраиваться, выслуживаться. Ты сделаешь все, чтобы он выбрал именно тебя.

Выслуживаться. Подстраиваться. Терпеть.

Я повторяю эти слова про себя и чувствую, как внутри что-то слишком резко ломается. Знал бы он, насколько мне противно это слышать. Насколько хочется хотя бы раз сделать выбор самой и не выстраивать из себя ту, кем я не являюсь, только ради того, чтобы принц соизволил остановить свой взгляд на мне. Знаю, что отец считает недостойным служить кому-то «ниже», советнику или знатному господину. Он хочет еще одной почетной отметки, еще одной строки в истории рода, продолжения служения у самой правящей династии. Наследный принц это будущий король – высшая точка, предел, которым можно гордиться. Я для него не дочь, а возможность. Удачно расставленная фигура. И самое горькое в том, что он ни разу не спросил, чего хочу я. Не поинтересовался, кем я хочу быть. Он говорит, решает, распределяет, как если бы мое молчание уже давно было принято за согласие. И я больше не могу его удерживать, слова поднимаются сами и я понимаю, что если сейчас не скажу, задохнусь от невысказанного.

– А если я не хочу, – произношу громче, чем ожидала. – Если я не хочу выслуживаться и притворяться, чтобы меня выбрали. Если для меня это не честь, а унижение?

Я наконец поднимаю на него взгляд. Пусть видит. Пусть слышит. Что будет дальше, я не знаю. Но молчать больше не получается.

Отец замирает всего на мгновение, но я успеваю это заметить.

– То, чего ты хочешь, не имеет значения, Элария и никогда не имело. Ты эрида. Ты Дарр. Ты выросла в мире, где «хочу» не учитывается, потому что оно мешает делу. Твоя жизнь не принадлежит тебе в той мере, в какой ты себе это вообразила.

Он делает шаг ближе, останавливаясь слишком близко, нависая надо мной.

– Ты не имеешь права на гордость. Не имеешь права на мнение. Все, что у тебя есть, – это то, что тебе позволят. И если для выбора принца потребуется стоять у его ног, ты будешь стоять. Если потребуется улыбаться – ты улыбнешься. Если потребуется молчать – ты исчезнешь. Запомни это сейчас. В тронном зале ты не дочь. Не ученица. Не эрида с характером. И не вздумай забывать, что я не позволю, чтобы кто-то из рода Дарр прислуживал придворному

выскачке или знатному господину, имя которого забудут через одно поколение. Наш род служит короне. Всегда служил. И ты не станешь исключением только потому что решила вдруг почувствовать себя не эридой, а человеком.

Он выпрямляется, но давление от этого не исчезает.

– И если ты посмеешь подвести меня или усомниться в том, что я для тебя выбрал, я позабочусь о том, чтобы ты больше никогда не оказалась перед выбором. Ни здесь. Нигде-либо еще. Я слишком долго выстраивал этот путь, Элария, чтобы ты позволила себе сомневаться в последний момент.

Он смотрит на меня еще мгновение, но, кажется, остается доволен тем, что я не продолжаю спорить. А я просто не могу, да уже и не вижу смысла. Любой мой довод будет обращен против меня. Так хочется, чтобы кто-то услышал меня, чтобы хоть раз кто-то не стал говорить о долге, а просто сказал: «Ты тоже имеешь право на что-то свое». Но я слишком хорошо знаю, что в отце этого искать не стоит. Для него любое проявление личного – бунт против порядка, который он защищает.

Я стою перед ним и молча проглатываю все свои желания.

– Я поняла, отец.

Арвель коротко смотрит на меня, оценивая, осталось ли во мне еще что-то непозволительное, потом делает шаг назад и кивает в сторону дворца.

– Пора идти. Скоро вас начнут вызывать по именам.

После его слов мне остается только сделать глубокий вдох и последовать за ним, снова собирая себя по кусочкам, чтобы ни одна эмоция не вырвалась наружу. Все, что у меня есть – это ровное, бесстрастное лицо и движение вперед, туда, где меня окончательно превратят в тень чьей-то воли. Но никогда – своей.

Глава 5. Три меча

Я никогда не видела принца Дариана, и все, что о нем знаю, сложилось из слухов и коротких фраз на уроках, где говорили, что наследнику двадцать пять лет, что волосы у него каштановые и спускаются по плечам мягкими волнами. Что взгляд у него мягкий, а голос спокойный и уверенный. Он редко появлялся в городе, почти не участвовал в публичных церемониях и только несколько раз его замечали на балконе позади короля Ровена.

Ловлю себя на мысли, что пытаюсь представить его лицо, словно это может подготовить меня к реальной встрече. Но образ все равно остается размытым, составленным из чужих слов и догадок. И чем больше я о нем думаю, тем яснее понимаю, что реальный принц Дариан, каким бы он ни оказался, будет совсем не тем, к кому меня готовили все эти годы.

Мы стоим ровно и неподвижно, семь девушек в строю, а рядом наставница в белоснежном плаще, словно прибитая к полу собственной волей. Рейлин бросает на меня взгляд, и я понимаю, что она на самом деле боится. Боится, что я не сдержу язык, что выкину что-нибудь не по уставу, отвечу принцу дерзко или сделаю неверный реверанс. Опозорю ее и весь Ордонанс. Для Рейлин этот день не меньшее испытание, чем для нас. Мы ее работа, ее репутация, ее отчет перед королевским Советом и самим наследником.

Четверо уже прошли – Мирель, Виена, Далия и Кора. Что они там делали, я не знаю. Каким образом принц будет выбирать одну из нас, тоже не понимаю. Далия вышла оттуда с видом победительницы. Мне бы ее уверенность и такую же ясную мечту. Эта эрида все десять лет, проведенные в Ордонансе, из кожи вон лезла, чтобы выслужиться и стать лучшей. Да, ее наказывали не реже других и идеальной она никогда не была, но у нее всегда была цель, и она упрямо держалась за нее изо дня в день.

Перевожу взгляд на закрытую дверь и ловлю себя на мысли, что у меня никогда не было такой мечты. Я шла вперед потому что так было нужно, потому что от меня этого ждали, потому что другого пути просто не существовало.

– Элария Дарр, – слышу твердый голос отца.

Теперь моя очередь.

Я делаю шаг вперед и краем глаза ловлю взгляд Далии, в котором явно читается: *«Принц мой. А ты здесь лишь для числа, для порядка и галочки в списке»*. Отворачиваюсь, чтобы не ввязываться в молчаливую дуэль. Делаю шаг в сторону двери, которая тут же распаивается сама собой, опускаю взгляд в пол, выпрямляю плечи и ступаю на холодный мрамор тронного зала.

Шаг. Еще шаг.

Принц впереди, но я не позволяю себе поднять взгляд, вижу только размытый силуэт в бликах света, высокую фигуру на троне, а поодаль угадываются советники, наблюдающие за мной с особой внимательностью. Шаг. Еще шаг. Сердце отбивает ровный ритм, и я держусь за него, как за единственное, что сейчас принадлежит мне.

Ветер с открытых окон играет занавесками, треплет их по полу и наконец цепляет шелковую ленту в моих волосах. Она слабеет и предательски медленно начинает сползать, теряя натяжение.

Конечно. Именно сейчас. Не на тренировке, не в пустом зале, не в любой из сотен других дней, а здесь, перед королевским тронном и Советом, когда каждая складка ткани, каждый мой вдох и каждый мой шаг имеют значение. Лента словно решает напомнить, что идеальный порядок – вещь хрупкая и недолговечная, особенно когда ты пытаешься удержать его изо всех сил.

– Лента... у нее лента сползает... – доносится шепот справа, едва заметно, но я слышу его, как если бы мне сказали это в лицо.

Дверь за спиной захлопывается с глухим звуком, воздух толчком подталкивает меня вперед, выталкивая меня в самый центр, туда, где нет ни одной тени, кроме той, что падает от трона. С каждой секундой ощущаю, как проклятая лента сползает все ниже и ниже, и наконец соскальзывает с волос, цепляется за плащ и падает на каменный пол.

Великолепно, Элария. Вот и все, к чему ты шла столько лет – закончится на ровном месте, из-за проклятой ленты. Как символично. Один неверный узел, одна ослабшая петля и все. Даже не нужен был ни дерзкий ответ, ни ошибочный реверанс. Просто – лента.

Даже не оборачиваясь, чувствую взгляд отца за спиной. Я сейчас для него не дочь, а допущенная ошибка в его расчетах. Даже не пытаюсь представить, что он сделает со мной потом за этот нелепый провал.

Делаю последний шаг, останавливаясь перед троном. Опускаюсь на колено. Волосы рассыпаются по лицу, пряди щекочут скулы и мешают дышать. Неважно. Все равно смотреть только вниз, только на камень под сапогами принца.

– Элария Дарр, – голос раздается выше меня, спокойный и выверенный, но в нем есть что-то, от чего у меня перехватывает дыхание.

Этот голос... нет, не может быть. Я никогда раньше не слышала голос принца, но он слишком знакомый, слишком узнаваемый.

Пауза тянется на один удар сердца.

– Убери волосы, хладница. Я должен видеть твое лицо.

Я тянусь к лицу, осторожно запроаляю пряди за ухо. Пальцы холодные, двигаются медленно – слишком медленно. В этот момент зал кажется слишком большим, слишком светлым. Чувствую на себе десятки взглядов, но ни один из них не весит так тяжело, как тот, что сейчас направлен на меня с трона.

Голова поднимается выше дозволенного, ровно настолько, чтобы взгляд скользнул от его сапог к краю мантии.

– Приветствую, Ваше Высочество, – голос звучит ровно, но внутри все сжимается, потому что в этот момент я поднимаю взгляд выше и встречаюсь с его глазами.

И пространство на долю секунды замирает. Этот взгляд, этот голос... Мужчина с рынка. Это он. Принц?

Хартан и без того тугой, теперь стягивает грудь еще сильнее, дыхание становится коротким, от нехватки воздуха. Хочется отшатнуться, но я вынуждаю себя оставаться в том же положении. Принц смотрит на меня слишком спокойно, слегка наклоняя голову. В его взгляде нет ни тени узнавания, ни того хищного интереса, который я помню с рынка, и вместо этого я вижу мягкость и легкую улыбку, совсем не такую, какую носил тот мужчина.

Ловлю себя на том, что сравниваю слишком жадно, потому что мужчина на рынке не улыбался так спокойно, его взгляд был острым и тяжелым, как лезвие, а здесь, перед троном, в глазах принца есть только усталость и что-то почти дружелюбное, и это различие постепенно гасит тревогу внутри.

Вздумала увидеть врага в каждом человеке, Элария, даже в наследнике... Нет... это не он. Точно не он... Или.. нет?

– Не стоит беспокоиться, – неожиданно мягко говорит он. – Никто не станет осуждать тебя за ленту, волнение в такой день вполне естественно.

Он даже улыбается, не как принц, а как человек, которому знакома неловкость, губы слегка дрогнули, уголки глаз смягчились и это сбивает меня с толку.

– Ты готова? – спрашивает он уже решительнее.

– Готова, Ваше Высочество, – отвечаю, стараясь держать голос ровным, хотя ладони все еще холодные, а в груди остается тревога, которая никак не хочет исчезать.

– Сегодня для меня, как и для тебя, день особенный, – продолжает принц, не сводя с меня взгляда. – Я выбираю себе новую хладницу и в этот раз отбор будет иным. Рядом со мной должна быть та, кто умеет не только подчиняться, но и думать. Не повторять заученное, а понимать, что говорит и что делает. Я загадаю тебе загадку и хочу понять, умеешь ли ты видеть больше, чем другие.

Я едва удерживаюсь от усмешки. Больше десяти лет я готовилась к этому дню: репетировала реверансы, запоминала все уставы, десятки жестов, училась молчать, кланяться, подавлять любое проявление воли, превращаться в идеальную тень – чтобы разгадывать загадки? Интересно, если бы наставница знала, к чему все сведется, учила бы она нас всему этому с таким рвением? Я прячу этот смешок глубоко внутри, чтобы никто не заметил.

– Слушай внимательно, Элария Дарр, – произносит он, не отводя взгляда от моих распущенных волос. – Что выше короны и тяжелее трона. Она живет в сердце короля и если он отдаст ее другому, он падет, если сохранит будет вечным?

Я замираю. Вопрос кажется простым и невозможным одновременно. В нем слышится не просто проверка, а ожидание, будто он ждет не правильного ответа, а моего собственного.

– Я готова дать ответ, Ваше Высочество. – Я поднимаю взгляд выше, позволяю себе посмотреть на него прямо. – Мне кажется... это власть. Только власть выше короны и тяжелее трона. Пока она в сердце короля, то он держится, но стоит потерять или отдать... ничего не останется.

Он молчит, изучая меня внимательно, затем кивает, словно принимает не только ответ, но и саму меня, вместе с этим взглядом и этой прямоотой.

– Принято. Запомни свой ответ, хладница.

Он делает короткую паузу.

– А теперь ответь, Элария Дарр, если твой господин нарушит закон ради справедливости, ты его остановишь или поддержишь?

Я задерживаю дыхание, потому что сам вопрос режет сильнее, чем предыдущий.

Закону служат усмирители. Их учат подавлять и гасить эмоции людей без дозволения, по протоколу, по четко прописанным правилам. Они действуют ради порядка и государства. Их сила принадлежит не человеку, а закону и в этом их смысл. Они приходят туда, где эмоции людей выходят из-под контроля и гасят их, не спрашивая, кто прав, а кто виноват.

Хладниц готовят иначе. Меня не учили служить всем сразу. Меня готовили быть рядом с одним человеком, гасить его волнение, страх, ярость, сомнения. Делать его разум холодным и ясным и люди пользуются этим как утешением. Для них это благо. Для меня – долг.

Хладницы тоже подчинены правилам, как и любой другой. Я знаю устав, границы, наказания. И если господин нарушит закон ради справедливости... внутри сразу возникает сомнение. Потому что слово «справедливость» звучит красиво, но оно слишком зыбкое. Закон я понимаю: он записан, его можно выучить, его можно нарушить или соблюсти. А справедливость – кто ее определяет? Тот, у кого больше власти? Тот, кто громче говорит? Тот, кто уверен, что поступает правильно?

– Ваше Высочество, – я делаю короткую паузу, чтобы голос не выдал лишнего, потому что ответ который я готова дать не будет удобным.

– Кто определяет, что справедливо, а что нет? Закон один для всех. Он записан, закреплен и одинаково действует для каждого, независимо от имени и положения. Справедливость же у каждого своя. У моего господина – своя. У меня – своя. У тех, кто стоит за дверями этого зала, – своя. И если каждый начнет нарушать закон ради собственной справедливости, порядка не останется вовсе.

Я поднимаю взгляд немного выше, уже не на край его мантии, а на лицо.

– Я хладница и обязана быть рядом со своим господином, удерживать его разум холодным, чтобы решение не рождалось из ярости, страха или чувства собственной правоты. Но я не имею права превращать его личную справедливость в оправдание для разрушения закона. Справедливость, которая существует только в голове одного человека, – слишком опасна, чтобы ей подчиняться слепо.

Я замолкаю, позволяя тишине поставить точку вместо меня. Принц смотрит на меня уже более внимательно.

– А что в человеке определяет, что справедливо, а что нет?

– Не знаю, Ваше Высочество, – отвечаю с заминкой, – наверное, то, что он чувствует внутри, когда выбирает. Скорее всего это совесть.

– Король должен править по совести или по законам?

Вопрос повисает в воздухе, и вместе с ним я сама. Понимаю, что принц ставит меня туда, где мне вообще не положено стоять. Хладнице не задают таких вопросов. От хладницы ждут выполнения долга и отсутствия собственного мнения. Он спрашивает о том, как должен править король, словно забывает кто я и где мое место по уставу. А может, наоборот, помнит слишком хорошо и проверяет, выйду ли я за дозволенные границы.

Во мне борются два импульса. Первый – сказать, как учили: что я хладница и не мне рассуждать о власти, что король правит по законам, а я служу. Это безопасно. Второй – сказать то, что я действительно чувствую. Не как хладница. Как существо, которое слишком долго наблюдало за людьми, их страхами, их гневом и их оправданиями.

– По закону легче, – отвечаю, опуская взгляд. – Легче потому что закон снимает ответственность. Он уже написан, утверждён, закреплён печатями и подписями. За ним можно спрятаться. Можно сказать, что так велено, так положено, и таков порядок.

Я делаю короткую паузу, чувствуя, как тишина в зале сгущается. Совет выжидает. Отец слышит каждое слово. Принц ждет продолжения, и я понимаю, что если сейчас остановлюсь, ответ будет неполным.

– Но совесть тяжелее, – продолжаю я тише, чем собиралась. – Потому что она не делится на строки и статьи. Ее нельзя переложить на другого. Когда король выбирает по совести, он остается с этим выбором один.

Я не поднимаю головы. Мне не нужно смотреть на него, чтобы знать, что он слушает внимательно.

– Мне не дано решать, как должен править король, Ваше Высочество. Я хладница, а не судья и не советник. Но если вы спрашиваете не как принц, а как человек... – я на мгновение задерживаю дыхание, – то, наверное, правление начинается с закона, но удерживается совестью. Потому что закон без совести становится жестоким.

Внутри снова поднимается волнение, но вместе с ним какая то странная ясность, будто я впервые проговорила то, что никогда не позволяла себе думать вслух.

Он выпрямляет спину так, что кажется выше, глядя на меня сверху вниз. Его выющиеся каштановые волосы мягко ложатся на скулы, отбрасывая тонкую тень на лицо.

– Я выслушал тебя, Элария Дарр, – наконец произносит принц. – Ты говорила о Власти, которая тяжелее трона. Ты говорила о Законе, который удерживает порядок. И ты говорила о Совести, которая судит. Позволь мне закончить этот урок.

Он делает короткую паузу, наклоняясь ниже.

– Представь три меча, Элария. Три клинка, которые должен держать в руках каждый правитель. Первый меч – Меч Власти.

Он делает жест, словно вынимает из ножен огромный меч, и я почти вижу, как мерцает сталь в воздухе.

– Власть – это воля к действию. Способность изменить мир, дать приказ и быть уверенным, что он будет исполнен, независимо от желания или нежелания окружающих. Он самый важный в бою. Без него ты не защитишь и не завоюешь. Но этот клинок – двуручный. Он всегда грозит ранить того, кто держит его рукоять, если обращаться с ним небрежно.

Он делает паузу, позволяя мне усвоить его слова. Я непроизвольно напрягаюсь. Власть, которую я назвала, теперь превратилась в осязаемое, опасное оружие.

– Поэтому рядом с Властью всегда должен быть второй клинок. Меч Закона.

Он делает еще один жест, и я представляю второй меч, который намного тоньше и ровнее первого.

– Он сделан не из стали, а из чистого, отполированного до зеркального блеска серебра, на котором выгравированы все статьи и параграфы. Он не рубит, он разделяет. Он делит общество на «можно» и «нельзя», «твое» и «мое». Закон – это щит, который держит порядок. Он дает стабильность, предсказуемость, и, как ты верно сказала, снимает ответственность с правителя за ежедневные решения. Он нужен для строительства, для мира, для торговли. Если ты лишишься этого клинка, Власть станет хаотичной и опасной. Но знай, Элария, Меч Закона – хрупкий. Он может треснуть под ударом, если Власть не обеспечивает его исполнения.

Принц переводит взгляд на меня, опуская руки на подлокотники трона.

– И наконец, третий клинок, Элария Дарр. Самый незаметный, но самый важный. Это Меч Совести. Он не имеет веса. Его нельзя выковать, и он не требует заточки. Он – лишь отражение в зрачке короля, когда тот смотрит на себя в зеркало. Совесть – это весы, на которых взвешивается применение Власти и Закона. Именно он определяет, когда острый клинок Власти должен быть вложен в ножны, а когда серебряный Клинок Закона должен быть пересмотрен и заново выкован, потому что он стал несправедливым.

Принц медленно опускает взгляд на меня, и в его глазах появляется та самая, снисходительная, но внимательная серьезность, которая заставляет меня замереть.

– Король, у которого в руках только Власть, будет тираном. Король, опирающийся только на Закон, будет рабом порядка, не способным к милосердию. Но король, который Совестью контролирует и Власть, и Закон, – он будет вечным. А твое дело, Элария, быть рядом, чтобы в самый критический момент твой господин мог ясно увидеть отражение этого третьего, незримого клинка.

Последние слова он произносит устало, словно выдохнул вместе с ними какую-то часть своей скрытой тяжести.

– Ты умеешь отвечать честно, Элария Дарр. Это редкость здесь. На этом твое испытание окончено. Можешь идти.

Я наконец поднимаюсь с колена, которое, если бы не сотни тренировок, давно бы одеревенело и отказалось слушаться. Движение выходит легким, без усилия, хотя, возможно, мне просто хочется поскорее избавиться от внимания принца и этого пристального взгляда, который все еще чувствую на себе кожей.

Сейчас страшнее всего развернуться, потому что я знаю, что у двери все это время стоял отец, и мысль встретиться с его взглядом давит сильнее, чем камень повинности. На пути к

выходу, я наклоняюсь и подхватываю упавшую ленту двумя пальцами, не обращая внимания на то, как это выглядит.

Мне все равно.

Я выпрямляюсь, сжимая ленту в ладони и делаю еще шаг к двери, позволяя взглядам скользить по мне сколько угодно. Прохожу мимо отца, намеренно не глядя на него, и когда двери зала наконец остаются за спиной первым делом меня встречает наставница. Она стоит у стены, как всегда прямая и неподвижная, как часть самого коридора. Ее взгляд сразу цепляется за ленту в моей руке, затем медленно поднимается выше к распущенным волосам. В нем нет ни удивления, ни раздражения, только холодное молчание, в котором я читаю куда больше, чем в любых словах.

– Приведи себя в порядок, – говорит она ровно, но в этом тоне уже заключено обещание разговора, который состоится позже.

– Тебя все равно не выберут, можешь даже не надеяться. – шепчет Далия, склоняясь ближе к моему уху. – И не слишком расстраивайся, когда увидишь, как принц уходит со мной. Кому-то ведь надо показать, как ведут себя настоящие эриды.

Она произносит это лениво, с той самой уверенностью, за которой всегда прячется желание уколоть побольнее. Встречаюсь с ней взглядом и сразу отвожу глаза, потому что не хочу отвечать и не хочу давать ей ни секунды лишнего внимания.

Наставница делает шаг в сторону, видимо боясь, что моя небрежность может передаться прикосновением. Я отворачиваюсь и медленно собираю волосы. Пальцы дрожат, но я заставляю себя затянуть хвост туже, чем обычно, до ощутимой боли, будто только так можно удержаться в этом теле во всей этой ситуации и не распасться на части.

Арисса уже скрылась за дверью тронного зала. Остальные притихли и напряженно ждут своей очереди, но я не слышу их, потому что внутри все забито одним вопросом, который не отпускает. Это был он. Принц и тот мужчина на рынке – один и тот же человек.

Чем дальше стою в коридоре, тем яснее понимаю, что не ошиблась. Все внутри гудит от этого открытия, и теперь мне нужно понять, почему на рынке принц был резким и опасным. А сегодня сидел на троне спокойно, словно между этими двумя обликами нет ничего общего, и от этого несоответствия становится тревожно. Если принц Дариан способен быть таким разным, значит, в нем есть что-то, что он держит под замком. И, возможно, именно поэтому ему нужна хладница, чтобы было кому удерживать этот внутренний жар, гасить то, что вырывается наружу, когда он остается без маски.

И тут возникает куда более страшный вопрос, от которого внутри холодеет. Не по этой ли причине он лишился своей прежней хладницы? Если тот, дикий и неуправляемый, уже однажды вырвался наружу, значит, кто-то не сумел его удержать и заплатил за это слишком высокую цену.

Глава 6. Перед лицом короны

Нас выстроили в тронном зале всех вместе, в одну линию. На этот раз окна закрыли, чтобы ни одна лента с волос не слетела случайно, чтобы не было ни малейшей небрежности, которая может все испортить. Полуденное солнце с трудом пробивается сквозь тяжелые шторы, свет лежит тускло. В этом мраке нет торжественности, словно принц выбирает не хладницу, а выносит приговор, и каждая из нас уже стоит перед короной не как избранница, а как возможная жертва.

Перед нами возвышается принц Дариан, спокойный и неподвижный, в темном придворном камзоле без лишних украшений, с узкой серебряной цепью на груди и знаком дома Эрдан у плеча. Рядом с ним советники выстроились полукругом, и молча наблюдают. Чуть поодаль виден Арвель Дарр с лицом, на котором невозможно прочесть ни одной мысли. Справа от нашей линии стоит наставница.

И все же я ловлю себя на том, что взгляд раз за разом уходит вглубь зала, туда, где у стены, в тени между колоннами, стоит человек, которого я до этого не видела. Он одет в темно-синий камзол, подчеркивающий его широкие плечи и прямую осанку. Вроде не советник, но и не простой стражник.

Отвою взгляд от этого человека, сейчас принц озвучит свой выбор, и от этой мысли внутри снова поднимается тревожность. Я не хочу быть его тенью, не хочу стоять рядом, не хочу день за днем впитывать то, что скрыто за этим спокойным взглядом. Мысль о том, что мне придется принимать на себя его ядовитые эмоции, держать их в себе и гасить, пугает сильнее любого наказания.

Наследник делает шаг, не торопясь оглядывает наш строй, давая нам шанс почувствовать его внимание.

– Каждая из вас прошла долгий путь, чтобы оказаться здесь, – произносит он, заводя руки за спину. – Сегодня вы перестаете быть ученицами Ордонанса. Каждая из вас будет служить там, где это необходимо короне.

Он делает короткую паузу, в которой я отчетливо слышу, как Далия втягивает воздух, будто сказанное уже обращено лично к ней и только к ней.

– Я верю, что каждый ваш шаг принесет пользу Веларрону. Ваши умения – то, что делает наш дом сильнее. Ваши усилия – залог мира, уважения и страха врага перед нашим королевством. Быть хладницей значит не только держать себя, но и быть щитом для тех, кто рядом. Я благодарю вас всех за то, что вы выбрали этот путь.

Выбрали. Это слово звучит почти насмешкой.

Он переводит взгляд на советников и коротко кивает.

– Сегодня мой выбор сделан. Остальных ждут другие служения и в этом нет ни поражения, ни позора. Пусть ваш труд принесет королевству только славу.

Все решено. Пути назад нет ни у одной из нас.

– Мирель Вран, – произносит принц, переводя взгляд на нее. – Ты отправляешься к моему капитану личной стражи, Дояне Салвир.

Из полукруга выходит женщина лет сорока в темно-синем мундире. Ее форма сидит безупречно, без единой лишней складки, высокий воротник плотно обхватывает шею, на плечах узкие серебряные нашивки, обозначающие ранг. Волосы темные, собраны в низкий хвост, лицо резкое, с четкой линией скул и прямым, внимательным взглядом. Дояна смотрит на Мирель, словно оценивает будущую подчиненную не по лицу, а по тому, как она стоит и дышит.

– Мне не нужна хладница для красоты, – произносит женщина спокойно, но без мягкости. – Мне нужна та, кто не дрогнет, когда рядом проливается кровь. Справишься?

Мирель склоняет голову.

– Клянусь служить короне верно, хранить доверие и не отступать от долга.

Дояна усмехается, явно от того, что услышала именно то, что хотела, и делает короткий жест рукой, приказывая следовать за ней. Мирель разворачивается и идет рядом с капитаном к выходу.

– Кора Вальд, – звучит следующее имя.

Кора выходит из строя без задержки. В ее эмоциях нет резкого всплеска, только сдержанное напряжение и готовность принять назначение.

– Ты направляешься к лорду Тарену Харту, – продолжает Дариан. – Он отвечает за снабжение и внутренний порядок столицы. Твоя задача быть рядом и держать его разум ясным.

Из полукруга советников выходит мужчина в темном плаще. Он худощав, с резкими чертами лица и цепким взглядом человека, привыкшего считать и просчитывать. Лорд смотрит на Кору внимательно, а затем слегка наклоняет голову.

– Мне не нужна тень, которая будет бездействовать, – произносит он сухо. – Мне нужна та, кто вовремя остановит лишние слова и лишние решения. Если умеешь это делать, мы поладим.

Кора выпрямляется еще сильнее.

– Клянусь служить короне верно, хранить доверие и не отступать от долга, господин Харт.

Лорд коротко кивает, отмечая невидимую галочку внутри себя, и разворачивается. Кора следует за ним без оглядки.

– Виена Мал, – произносит принц. Ее имя звучит тише остальных.

Виена делает шаг вперед не сразу, словно телу нужно дополнительное усилие, чтобы сдвинуться с места.

– Ты направляешься к советнику Хелмару Астену, – продолжает Дариан. – Он отвечает за приемы при дворе и личные поручения короны.

Из полукруга выходит мужчина лет сорока в слишком дорогом одеянии. Волосы у него светлые, очень гладкие, и спадают на плечи ровной, искусственной линией без единого завитка. Черный камзол сидит на нем безупречно, перстни поблескивают на пальцах, движения медленные и ленивые, как у человека, привыкшего, что мир подождет. Он останавливается напротив Виены, скользя по ней изучающим взглядом, задерживаясь дольше, чем дозволено приличием.

– Хрупкая, – говорит он с легкой усмешкой, наклоня голову. – Думаю, ты быстро привыкнешь к моему дому. Там ценят тишину, послушание... и умение быть рядом, когда это нужно.

Виена вздрагивает. Я чувствую, как в ее эмоциях вспыхивает страх, но лицо остается неподвижным. Она выпрямляется, собирая остатки воли.

– Клянусь служить короне верно, хранить доверие и не отступать от долга... гос..господин Астен.

Хелмар улыбается шире и делает приглашающий жест, слишком близко подходя к ней. Виена идет следом, мелкими, аккуратными шагами.

– Ирей Ной и Арисса Вал, – произносит принц, взглядом отмечая каждую.

Две девушки синхронно отделяются от строя.

– Вы направляетесь в Дом Совета, – продолжает Дариан, складывая руки за спиной. – Там ценят тишину, точность и умение быть незаметными. Работа при приемах, переговорах и закрытых слушаниях требует холодного разума и отсутствия лишних вопросов.

Из полукруга советников выходит пожилой мужчина в темно-зеленом одеянии, с тонкими пальцами и усталым, но цепким взглядом. Он останавливается напротив них, окидывая двоих оценивающим взглядом, уже расставляя их по местам в своей голове.

– В Доме Совета слова значат меньше, чем молчание, – произносит он негромко. – Если вы умеете слушать и не выносить услышанное за стены, вы будете полезны.

Ирей сжимает челюсть, Арисса делает короткий вдох, собираясь.

– Клянемся служить короне верно, хранить доверие и не отступать от долга, – произносят они вместе.

Зал становится тише, будто из него вынули часть напряжения, но для меня эта тишина только сгущается. Мое имя все еще не названо. И имя Далии – тоже.

Любой исход для меня сейчас одинаково страшен. Если принц выберет меня, я окажусь рядом с ним, день за днем принимая на себя его скрытую жестокость. А если он выберет Далию, отец не станет искать оправданий. Либо он устроит мне воспитательный урок, либо просто вычеркнет меня, как неудавшуюся ставку, от которой пора отказаться.

Принц долго смотрит на меня, а потом его взгляд уходит вправо, туда, где стоит Далия. Он не спешит, давая каждому мгновению вес, прежде чем скажет главное.

– Далия Расс, – произносит он, и его голос звучит громче, чем прежде. – Ты избрана стать моей хладницей. Моей тенью, моей опорой при дворе и в покоях, там, где никому нельзя доверить ни мысль, ни гнев. С сегодняшнего дня ты – страж спокойствия династии Эрдан, защитница короны и моего рода. Все, что ты есть, все, чему тебя учили, теперь будет принадлежать дому Веларрона.

Я слышу, как у Далии перехватывает дыхание. Она падает на колени, крепко прижимая ладони к груди.

– Перед народом Веларрона и домом Эрданов. Клянусь служить и хранить покой династии. Скрывать свои мысли и чувства. Отринуть желание личной свободы...

Я перестаю слышать слова, потому что внутри поднимается звенящая тишина, как если бы кто-то ударил по пустому колоколу. Меня не выбрали. Мое имя так и не прозвучало. Значит, все. Я вернусь обратно. Вернусь в Ордонанс и проживу еще один год, который растянется в бесконечность, снова буду стоять в строю с камнем повинности, снова буду слушать нравовучения наставницы.

Стою в этом зале последняя и ненужная, оставленная «на потом», как вещь, к которой никто не хочет прикасаться. Часть меня смеется от этого ощущения. Вот и все. Столько лет ради этого мгновения, ради пустоты, стыда и странного облегчения, которые накрывают сразу.

Я смотрю на Дариана и понимаю, что он уже не обращает на меня внимания. Его рука касается плеча Далии, которая словно выросла за эти минуты: гордая, прямая, взгляд устремлен на принца, а губы повторяют слова, которые заучивали с самого детства. Я слышу лишь обрывки «Быть тенью среди света... Да не отвернется от меня милость короны...» и мысленно отстраняюсь. Все, что происходит вокруг, уже не имеет ко мне отношения.

– Встань, Далия Расс, – произносит принц. – Ты достойно прошла испытание и доказала свою готовность служить дому Эрданов и короне Веларрона.

Он убирает руку с ее плеча и переводит взгляд на зал.

– Церемония окончена. Всем разойтись.

Напряжение отступает, все начинают двигаться, кто-то осторожно выдыхает, кто-то опускает глаза, но я все еще стою на месте, не до конца понимая, куда мне теперь идти. В этот момент чье-то прикосновение ложится мне на плечо, я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с наставницей.

– Не опускай голову, Элария, – говорит она тихо, но уверенно, наклоняясь ближе. – Тебя не выбрали сегодня, и это не поражение. Бывает путь, который начинается не с триумфа, а с ожидания. Запомни это.

Ее ладонь слегка сжимает мое плечо.

– Пойдем, – добавляет она мягче, чем обычно. – Ордонанс ждет.

Я киваю и делаю шаг следом за ней, позволяя потоку людей унести нас к выходу. Каменный пол под ногами больше не кажется таким холодным, а шум зала постепенно остается позади, будто дверь закрывается не только за спиной, но и внутри меня.

Я иду и вдруг ясно понимаю, что это не конец и не наказание, как мне пытались внушить все эти годы. Ну и хорошо, что меня не выбрали. По-настоящему хорошо. Я больше не обязана становиться тенью чьего-то гнева, не обязана гасить чужую жестокость или терпеть чужие желания под видом долга. Я вернусь в Ордонанс, заберу у Сарена свою виель, а дальше разберусь. Может, уйду. Может, сбегу в Элмор, чтобы наконец увидеть море – туда, где никто не знает моего имени и не ждет от меня правильных поклонов и покорности. Я еще придумую, что делать, но одно знаю точно – я не хочу оставаться ни в школе, ни в этом дворце, ни в мире, где за меня решают, кем мне быть.

Я выпрямляю спину и иду рядом с наставницей, чувствуя, как внутри вместо пустоты появляется решимость. Пусть путь начинается не с триумфа, как она сказала, но он наконец-то может начаться с моего собственного действия.

Но вдруг за спиной слышу шаги.

– Элария Дарр, – голос догоняет меня у самой двери.

Я оборачиваюсь. К нам подходит тот самый мужчина, которого я заметила в зале у стены. Вблизи он кажется выше и шире в плечах, чем издали. Ему около тридцати пяти лет, волосы светлые, коротко подстриженные, а легкая щетина подчеркивает четкие черты лица. Глаза голубые и внимательные, смотрят спокойно, но так, словно он замечает каждую мелочь.

– Меня зовут Киран Мерран, – представляется он. – Я капитан личной стражи принца.

Он переводит взгляд на наставницу и сдержанно склоняет голову.

– Рейлин Силл, Арвель Дарр ожидает вас. Он желает переговорить с вами немедленно. Мне велено сопроводить вашу ученицу к конюшне.

Я удивленно смотрю сначала на него, потом на наставницу, уверенная, что сейчас она прикажет мне ждать ее здесь, и не делать ни шага без ее разрешения. Но Рейлин лишь на мгновение задерживает взгляд на капитане, взвешивая ситуацию, и я вижу, как она принимает решение.

– Хорошо, – наконец соглашается она. – Элария, следуй за господином Мерраном.

Я киваю, хотя внутри все еще остается легкое недоумение, и делаю шаг в сторону капитана.

– Прошу, – он жестом показывает направление и идет первым, не торопясь и не оглядываясь, оставляя мне возможность идти рядом, а не следом.

Мы идем по коридору, и мои мысли ускользают в сторону одного вопроса: зачем вообще все это нужно? Я могла спокойно дождаться наставницу, и мы бы без лишнего шума вернулись в Ордонанс без сопровождения. Но рядом со мной идет капитан стражи принца, и от этого внутри поднимается глухое раздражение, словно меня сочли опасной. Неужели они всерьез решили, что после отказа я способна устроить сцену или попытаться что-то разрушить? Мысль нелепая и от этого еще более неприятная.

Замок Эрданов совсем не похож на белоснежный Ордонанс, где все выверено и стерильно. Здесь стены темные с глубокими нишами и узкими проходами. На каждом пролете висят золотистые гобелены, гербы рода мерцают даже в полумраке, и от этого кажется, что они наблюдают за каждым шагом.

Мы сворачиваем за угол и я замечаю слева, в полутени, между лестницей и дверью в подсобку, стоят две служанки. Одна из них, пониже, склонилась к подруге, держа в руках корзину с бельем, другая, чуть старше, с измятым передником, настороженно водит глазами по сторонам.

– Селли так и не вернулась? – нервно шепчет та, что держит корзину.

– Нет, уже три дня сидит в темнице, – отвечает другая, та, что старше. – Если кто узнает, что мы тут обсуждаем, и нам не поздоровится. Король не пощадит, сама знаешь. Если он Селлу велел наказывать за пролитое вино, то что с нами будет? Вот тебе и их справедливость.

– Я все надеюсь, что принц Дариан будет не таким, – шепчет первая, сжимая корзину. – Говорят, он мягче отца, спокойнее. Может, при нем хоть дышать в замке станет легче.

Вторая коротко усмехается, но в этом звуке нет радости, только усталость.

– Не надейся, – отвечает она разочарованно. – Сегодня он выбрал себе хладницу. Значит, станет таким же, как они все.

Они замолкают одновременно, заметив нас, и опускают головы, делая вид, что заняты делом. Киран проходит мимо, даже не поворачивая головы, пока служанки вжимаются в стену.

Пролитое вино, темница, страх за лишнее слово. Здесь наказывают не за зло, а за неловкость и за случайность? Чем ближе мы уходим от тронного зала, тем яснее становится, что под всей этой роскошью и гербами скрывается не порядок, а жестокость к которой все уже привыкли. И почему тогда хладница короля не удержала его от такой глупой жестокости? Нас учили быть рядом, чтобы господин не поддавался злости, чтобы он принимал решения хладно. Но если из-за опрокинутого вина человека сажают в темницу – значит, здесь что-то не так.

Я не задаю вопросов Кирану, просто смотрю себе под ноги и считаю шаги по памяти: прямо, потом направо и немного вниз. Но когда мы доходим до перекрестка, капитан не сворачивает, как положено, а идет в противоположную сторону, туда, где мрак становится плотнее, где исчезают окна и остается только тусклый свет факелов, колышущийся на стенах.

– Выход в другой стороне, – напоминаю я, останавливаясь на полшага.

Киран бросает на меня взгляд через плечо.

– Я не собираюсь тебя отпускать, эрида, – бросает капитан, оборачиваясь через плечо. – Такой приказ Его Высочества. Ты должна идти за мной.

– Куда?

Киран разворачивается ко мне полностью и в полумраке факелов его лицо кажется строже, чем раньше.

– Туда, куда тебе велено, – отвечает он строго. – И я советую не создавать лишних проблем. Ни себе, ни мне. Я здесь не для разговоров и не для уговоров. Идем.

– Это из-за того, что произошло? – спрашиваю я тише. – Из-за того, что меня не выбрали. Вы собираетесь меня наказать?

– Если бы речь шла о наказании, тебя бы уже вели другие люди и другим путем. Идем, эрида. Не усложняй. Если ты попытаешься уйти или задержаться, мне придется применить силу. Я бы предпочел обойтись без этого.

– Тогда куда мы идем? – слова срываются быстрее, чем я успеваю их удержать. – Моя наставница...

– Ты идешь со мной, эрида, и это не обсуждается. Или тебя в Ордонансе не научили слушаться приказов старших?

Я сжимаю губы. Внутри поднимается что-то колкое, смесь тревоги и упрямства, но Киран бросает на меня колющий взгляд, и становится ясно, что добиваться ответа бессмысленно. Я продолжаю следовать за ним, стараясь не отставать, но и не подходить слишком близко, словно между нами должна оставаться невидимая граница на случай, если вдруг он передумает быть вежливым.

Мы минуем лестницу, сворачиваем в просторный холл и вдруг до меня доносится звук, от которого внутри что-то вздрагивает. Сначала кажется, что это обман слуха, эхо в камне или игра воображения, но с каждым шагом звук становится отчетливее.

Это музыка.

Мелодия тянется глубоко и глухо, в ней сплетаются боль и странная, ноющая надежда. Я различаю звук клавиш и в каждой ноте чувствуется что-то мрачное и слишком личное. Так играют не для слушателей и не ради красоты. Так играют для себя, выплескивая сразу все, что некуда больше деть: тоску, страх, радость и сожаление. И чем ближе мы подходим, тем сильнее музыка давит на грудь и я понимаю, что мы направляемся прямо к ее источнику.

Наконец, Киран останавливается у одной из дверей и открывает ее. Звук становится громче, вырывается в коридор и захлестывает с головой. Я успеваю уловить всего один резкий аккорд и в ту же секунду музыка обрывается.

Наступает тишина.

Внутри полумрак. Высокие окна завешены бордовыми шторами, и лишь одна полоса света падает на черный рояль в центре комнаты. Крышка открыта, клавиши еще слегка вибрируют. За инструментом сидит мужчина. Я вижу только профиль. Длинные каштановые волосы волнами спадают ему на плечи, оттеняя бледную кожу, а черный камзол, сидящий на нем безупречно, делает его фигуру еще строже и собраннее.

– Я привел ее, как велели, – произносит Киран за моей спиной, проталкивая меня внутрь и закрывая дверь.

Мужчина за роялем медленно оборачивается, и в этот миг мне кажется, что в комнате становится совсем тихо. Передо мной сидит... Дариан. Я почти уверена, что Киран ошибся дверью, что меня снова привели к наследнику, если бы не одно ощущение, которое сразу все перечеркивает. В его лице нет той мягкости, что была утром. Ни следа усталой доброты, ни

тени спокойствия. Взгляд холодный, прищур острый, как если бы передо мной стоял не человек, а обнаженная опасность. От него исходит напряжение, готовое сорваться в любой момент, и я понимаю это раньше, чем успеваю осмыслить.

Он встает, отводя одну руку от клавиш, и даже просто стоя на месте, он выглядит опасно.

– Ты на меня так смотришь, эрида, будто призрака увидела, – говорит он, разглядывая мое лицо так, словно я сейчас интереснее любой мелодии, что он только что играл.

Я прикусываю губу и опускаю глаза.

– Может, и увидела, – отвечаю тихо. – Сегодня слишком много новых лиц. А твое будто совсем не новое.

– Обычно эриды не бывают такими впечатлительными.

– Обычно эриды не встречают людей, которые утром улыбаются с трона, а днем смотрят так, словно сейчас сорвутся с цепи, – заканчиваю я и сама удивляюсь, как просто и прямо выходит эта фраза.

Он хмыкает, склоняя голову набок, видно, что мои слова его развлекают, а может, он просто разглядывает, как далеко я зайду в этой дерзости.

– Неужели не догадалась. Я думал, вас учат наблюдательности. Хотя чего еще ждать от такой, как ты, – в голосе появляется холодная издевка, – которая всю жизнь жила по уставам, чтобы однажды прислуживать кому-то вроде меня. Ты же не пробовала думать иначе, правда?

Он плавно проводит пальцами по крышке рояля, давая мне время почувствовать себя ничтожно маленькой на фоне его холодного равнодушия.

– Но, ладно, – он слегка отталкивается от рояля, выпрямляется, складывая руки за спиной, – дам тебе урок, раз уж сегодня у тебя день новых знаний. Бывает так, что в одной семье рождаются двое похожих друг на друга людей. Их называют близнецами. Слышала о таких?

Я медленно моргаю, пытаюсь понять, к чему он клонит. Потому что нет, я о таком не слышала.

– У Эрданов только один наследник, – говорю упрямо. – Принц Дариан. О другом речи не было.

В ту же секунду его взгляд меняется. В глазах на миг вспыхивает что-то опасное и острое. Лицо становится жестче, тень ложится на скулы, губы сжимаются в тонкую линию.

– Вот оно как. Значит, ты решила сегодня перейти все границы, эрида.

Он переводит взгляд мне за спину, туда, где у двери все еще стоит капитан.

– Киран, выйди.

Киран у двери напрягается, он явно не хочет оставлять нас вдвоем. Но приказ есть приказ. Дверь за ним закрывается с коротким щелчком и в комнате остаемся только мы. Я чувствую, как спина сама собой выпрямляется, хотя хочется сделать шаг назад. Внутри все гудит. Это он. Тот, с рынка. Тот, кто смотрел на меня так, словно мог раздавить одним взглядом. И теперь он здесь, в этой комнате, играет на рояле и говорит со мной так, как если бы я уже была его собственностью.

Он делает шаг, скользя взглядом по моему лицу, задерживается на глазах, потом опускается ниже, ища в моей осанке, в дыхании, в малейшем движении признак страха. Мне приходится поднять подбородок, чтобы встретить его взгляд – он выше меня на целую голову, и расстояние между нами вдруг становится слишком коротким.

– Повтори, что ты сказала, Элария.

Он произносит мое имя таким тоном от которого мурашки бегут по всему телу.

– Я сказала, что в Веларроне только один наследник. Только принц Дариан Эрдан.

Мужчина не смеется, но улыбка у него становится холодной, совсем не похожей на ту, что я видела утром в тронном зале.

– В нашем доме всегда только один наследник, – произносит он тихо, делая еще полшага ближе, так что теперь я чувствую тепло от его тела. – Но это не значит, что единственный сын. Просто второго не должно было быть.

Он останавливается совсем близко. Я чувствую, как от него исходит напряжение, будто он готов сжать в кулаке не только комнату, но и меня, если понадобится.

– Здесь многое не так, как тебе кажется. И если ты хочешь прожить в этом дворце дольше, чем пару недель, учись не всему верить на слово.

– Прожить здесь? – переспрашиваю, не скрывая удивления. – Я не собираюсь жить во дворце. Меня никто не выбрал и я сегодня же возвращаюсь в Ордонанс.

– Ты ошибаешься, эрида. – голос его становится ниже. – Тебя выбрали задолго до того, как ты переступила порог дворца. Все остальное было нужно для публики, для Совета и для стариков, трясущихся за свои места.

Он наклоняется ближе, и я слышу его горячее дыхание.

– Теперь слушай внимательно, Э-ла-ри-я, – тянет он, наклоняя голову к моему уху. – Я Адарис Эрдан, второй наследный принц Веларрона. Выбираю тебя своей хладницей. Ты будешь моей тенью, моей опорой, моей рукой, когда мне нужна сила, и моим молчанием, когда никто не должен слышать моих слов.

Внутри меня все леденеет от его слов. Колени подгибаются сами собой, в груди проваливается целый мир. Падаю перед ним на пол, как велит древний инстинкт. Руки ложатся на бедра, пальцы вжимаются в ткань хартана так сильно, что ногти почти рвут ее. Я склоняю голову и не смею поднять взгляд, ощущая лишь его присутствие, этот темный и горячий поток власти, который заполняет все вокруг и не оставляет мне ничего, кроме подчинения.

– Клянусь служить дому Эрданов...

– Нет, Элария, – перебивает он жестко, касаясь пальцами моего подбородка, вынуждая смотреть ему прямо в глаза. – Ни дому Эрданов. Не трону. Не короне. С этого момента ты служишь мне. Только мне.

– Клянусь... – выдыхаю я, и слова даются с усилием, приходится вытаскивать их из самой глубины грудной клетки. – Клянусь служить тебе, Адарис Эрдан. Хранить твой покой и быть твоей тенью. Скрывать свои мысли и чувства от мира. Отринуть желание свободы. Подчинять свою волю только твоей. Принимать страх и наказание, если ты этого пожелаешь. Не искать славы и не просить награды. Быть незаметной, когда нужно, и силой, если прикажешь. Да не отвернется от меня твоя воля, пока я служу тебе и только тебе. Пусть клятва моя будет крепче страха и памяти. Пусть твои желания ведут меня, а имя мое исчезнет за твоей спиной. Пока ты зовешь, я рядом. Пока ты дышишь, я служу.

Я замолкаю, стискивая пальцами ткань хартана. Адарис улыбается уголками губ, оценивая новую игрушку. На миг мне кажется, что этот взгляд способен заморозить любую слабость и одновременно разбудить во мне что-то опасное.

– А теперь... – говорит он мягко.

Адарис поднимает руку к моей голове, находит пальцами ленту в хвосте и коротким движением стягивает ее, освобождая волосы. Пряди падают на плечи, щекочут скулы и шею, и от этого простого жеста по телу проходит дрожь, которую я не могу остановить.

– Сделай для меня то, на что не способна ни одна человеческая женщина, – продолжает он томно. – Ни одна эрида до тебя.

Он смотрит на меня сверху вниз, медленно проводя пальцами по моей щеке.

– Докажи, что ты не просто тень, которую заставили стоять за спиной, а та, кто выдержит все, что я дам. Подари мне покой, Э-ла-ри-я...

Его ладонь скользит по моим волосам, сжимая пряди между пальцами, будто ему важно почувствовать мое напряжение не только взглядом, но и кожей. Я медленно поднимаюсь, пальцы сами тянутся к щеке принца. На мгновение колеблюсь, ловя это ощущение власти и

опасности, а потом позволяю себе шагнуть глубже и делаю то, для чего была рождена. Я вхожу в его эмоции, в его внутренний хаос.

Внутри Адариса все сжато и переплетено. Там ненависть и злость, звериная жажда власти, а под ней – израненное, голодное одиночество, которое не знает покоя. Становится горячо, слишком жарко, как если бы меня бросили в эпицентр пожара. В висках стучит, дыхание сбивается, плечи дрожат, и я понимаю, что не могу оторваться, не могу вырваться, как бы ни пыталась.

Чем глубже я тону в этом водовороте, тем сильнее тело начинает трясти от слишком мощных переживаний. Где-то на самом дне сознания мелькает мысль, что еще немного, и я не выдержу. Сердце вырывается из груди, воздух не доходит до легких, все внутри горит и плавится.

Вдруг в уголках глаз появляется тепло. Слезы? Нет, нас учили не плакать, я никогда не плакала. Но по щеке медленно ползет что-то липкое. Кровь. Сначала одна капля, потом другая. Во рту расплзается вкус соли и металла, голова гудит, мир начинает плыть. Я не могу дышать и не могу вырваться из этой воронки, в которой мучительно больно.

Я больше не выдерживаю.

Колени подгибаются, тело бросает в жар, и последним, что я успеваю почувствовать, становятся его руки, которые ловят меня прежде, чем я падаю на пол.

Глава 7. Цена пригодности

Резко открываю глаза, словно меня вытолкнули из темноты обратно в тело. В горле сухо, кожа горит, как после долгой лихорадки. Несколько секунд я просто лежу, не двигаясь, укрытая тяжелым шерстяным одеялом, и не могу понять, где нахожусь.

В комнате полутемно – зеленые шторы плотно закрыты, но где-то сквозь них просачивается узкий луч света. Пробую приподняться, и голова тут же отзывается легким кружением. Пальцы судорожно сжимаются в складках одеяла, и в этот момент в голове вспыхивает воспоминание: дикий жар, поток боли, мужская ладонь на моем затылке, кровь, вытекающая из глаз.

Я судорожно хватаюсь за лицо, но нащупываю под пальцами только чистую и сухую кожу.

Нет. Это был не сон.

Я помню, как клялась в служении, как Адарис распустил мне волосы, а потом... потребовал подарить ему покой. Никогда раньше я не чувствовала такой силы от человеческого имфириона – он сжигал меня изнутри, как если бы я заглатывала раскаленные гвозди, один за другим.

Мысли начинают цепляться одна за другую. Как вообще всем удавалось скрывать его столько лет? Неужели во всем дворце не нашлось ни одной служанки, которая бы проговорила на рынке? Ни одного человека, который бы проболтался в трактире? Ведь даже отец, бывая при дворе, никогда не обмолвился словом, что у короля и королевы два сына. Все это кажется пугающе странным.

С усилием сажусь, отбрасывая одеяло в сторону и тут же замечаю, что на мне белая сорочка. Ткань мягкая, рукава слишком широкие, а ворот повязан шнуром, туго затянутым у ключиц. Меня переодели, как ребенка прежде чем уложить в кровать.

Оглядываюсь вокруг в поисках хартана, но его нигде нет. Ни на стуле, ни на спинке кровати, ни на сундуке у стены. Только белая корзина с чистым бельем стоит у двери, но моей одежды там не видно. Значит, служанки его забрали, чтобы постирать, ведь он тоже был в крови. Не люблю, когда прикасаются ко мне и моим вещам, но эта мысль раздражает меня не так сильно, как та, что я стала холодной тенью жестокого человека.

Тяжело сглатываю, но в горле слишком сухо. Я тянусь к столику у кровати, на котором стоит кувшин, наливаю воду в серебряный кубок и пью большими глотками. Холодная вода постепенно возвращает мне ощущение реальности.

Пока пью, прохожусь взглядом по комнате. Она больше, чем мои старые покои в Ордонансе, но здесь мало вещей: кровать с высоким изголовьем, тяжелый комод, столик с зеркалом, простой ковер. Слева от кровати, в тени, я замечаю еще одну дверь. Она выглядит проще, чем входная, без лишних украшений. Наверное, это ванная или небольшая умывальная.

Откладывая опустошенный кубок и осторожно пробую встать. Ноги подгибаются, подол сорочки цепляется за край кровати, и я едва удерживаю равновесие, чтобы не сесть обратно. Делаю несколько осторожных шагов по комнате, подхожу к окну и отодвигаю штору. На улице почти пусто. Только стража стоит у ворот и пара садовников во внутреннем дворе мелькают между дорожками.

Едва я успеваю подумать, что же мне теперь делать, как дверь за спиной негромко скрипит. Часть меня надеется, что это просто служанка пришла с моим выстиранным хартаном, но когда я оборачиваюсь, замечаю, что на пороге стоит капитан Киран. Он выглядит усталым, под глазами залегли темные круги, движения слегка скованны, как у того, кто не спал ночь. В руках он держит аккуратно сложенный хартан и плащ, обе вещи чистые, с гладкими складками.

Он замирает на пороге, скользнув по мне взглядом и тут же смущенно отводит его в сторону. В его эмоциях слышится неловкость, переходящая в злость на самого себя за то, что он оказался здесь в такой момент.

– Ты... очнулась... – голос его срывается на хрип. – Тебе стало лучше? Я думал... ну, просто принес твои вещи. Их... почистили.

Киран осторожно кладет мою одежду на комод, по-прежнему избегая смотреть на меня. Я внимательно слежу за его движениями, молчу несколько секунд, раздумывая, стоит ли задавать вопросы. Он капитан стражи, человек, который приближен к Адарису, и я не уверена, станет ли он вообще со мной разговаривать. Но сейчас он явно не в своей тарелке и я все же решаюсь воспользоваться его замешательством.

– Долго я спала? – спрашиваю, и собственный голос звучит неожиданно сипло, как после крика, которого я не помню. Сама морщусь от этого звука и прочищаю горло, но лучше не становится.

– Почти сутки, – отвечает он после короткой паузы. – Половину вчерашнего дня и всю ночь. Ты... сильно ослабла.

– Кто... – я замолкаю на полуслове, потому что голос снова предательски срывается. Делаю вдох, заставляя себя говорить медленнее. – Кто меня сюда принес?

Киран не отвечает сразу. Он уже собирается сделать шаг к двери – пальцы скользят к ручке, касаются ее, в надежде отыскать повод закончить разговор и уйти. Взгляд на мгновение снова цепляется за меня и тут же уходит в сторону.

– Я, – натянато произносит он, и это короткое слово далось ему с усилием. – И Его Высочество.

Киран отпускает ручку двери и делает полшага обратно в комнату, словно понимает, что уйти сейчас все равно не получится.

– Ты потеряла сознание сразу после... – он замолкает, подбирая выражение, – после Альриена. Ты была горячей, как в лихорадке, кровь вытекала из глаз. Принц велел позвать служанку, чтобы она привела тебя в порядок.

– Он тоже был здесь все это время? – спрашиваю и сама не понимаю, зачем вообще это произношу вслух.

Вопрос вырывается случайно, и я тут же ловлю себя на том, что жду ответа сильнее, чем должна. Почему мне важно знать, был ли он здесь? Что именно я хочу услышать? Что он остался потому что переживал за меня? Смешно. Я сама усмехаюсь этой мысли и тут же одергиваю себя. С чего бы ему переживать. Гораздо проще представить другое: сделал свое и вышел, не оглянувшись. Потому что так проще. Потому что так понятнее. Потому что безразличие, каким бы жестоким оно ни было, все же честнее, чем внезапная забота.

Я жду. Секунду, другую. В комнате становится тесно от этого ожидания.

Киран шумно выдыхает и наконец качает головой.

– Нет. Он ушел почти сразу после... После того, как убедился, что ты жива. А я остался дежурить за дверью.

– Жива? А что, я должна была умереть?

Капитан отводит взгляд, напрягая плечи. Смотрит на край стола, на мой хартан, на что угодно, только не в глаза. Вижу, как в этом мужчине сталкиваются два желания: уйти оставив меня без ответа, ведь он не обязан отвечать на вопросы хладницы и желание сказать правду, нарушая все эти дворцовые правила.

– Такое уже бывало, – отвечает он наконец. – И да... никто не выдерживал.

Слова доходят не сразу. Сначала они просто повисают в воздухе, будто не имеют отношения ко мне. Никто не выдерживал. Я успеваю повторить их про себя – один раз, второй и только потом внутри что-то щелкает.

– Значит, он знал, – говорю я и голос выходит жестче, чем я ожидала. – Знал, что я могу не выдержать. Что могу умереть и все равно позволил этому случиться?

Я поднимаю взгляд на капитана, и в этот момент мне уже все равно, видит он мое состояние или нет.

– Значит, я была для него всего лишь проверкой? Если выжила – значит, гожусь. Если нет – значит, ошибка в выборе. Потеря допустима. Так?

Киран поднимает на меня взгляд. На мгновение в нем вспыхивает чистое удивление. Он явно ожидал от меня растерянности или страха, но никак не этого удара в лоб. Он не привык, чтобы хладницы задавали такие вопросы. Тем более – в таком тоне.

Его рука смещается к поясу, пальцы находят рукоять меча и в этот момент ко мне приходит осознание, что он дежурил за дверью, не потому что переживал за меня. А потому что не должен был дать мне сбежать.

Значит, принц сомневался во мне. Значит, он допускал мысль, что после всего произошедшего я очнусь и попытаюсь исчезнуть. Не дурак.

– Он знал, – наконец отвечает капитан, выталкивая из себя каждое слово. – Конечно, знал о риске. Как и ты знала, на что идешь, когда стала хладницей. Это твоя работа, эрида. Ты для этого и существуешь, чтобы служить своему господину, принимать его тьму, его яд, его ярость. Это не жестокость, это твое предназначение.

Предназначение... конечно. Мое предназначение стореть заживо и еще поблагодарить за это. Шикарная участь для такой, как я. Хотела свободы – получай, Элария. Чем сильнее пытаюсь вырваться и понять, кто я есть, тем глубже этот мир вдавликает меня лицом в грязь, нарочно показывая мое место.

Вслух я этого не говорю. Хватит. Я уже сказала больше, чем позволено, и чувствую, к чему это ведет. Этот человек – не тот, кому можно доверить собственную боль. Я глотаю ее, прикусывая язык до резкой, приятной боли, лишь бы не продолжать вытаскивать из себя слова, которые потом обернутся для меня еще большим кошмаром. Хотя иногда кажется, что хуже уже просто некуда.

Я отворачиваюсь к окну, делая вид, что мне важнее свет за стеклом, чем разговор за спиной. Прижимаю ладони к холодному камню подоконника, опираясь на него, будто он может удержать меня на месте. Спина выпрямляется сама собой, дыхание выравнивается. Все лишнее уходит внутрь, глубже, туда, где ему и положено быть.

– Значит, я теперь под охраной? – бросаю, не оборачиваясь.

– Таков приказ принца. Если ты решишь сопротивляться, мне придется применить силу. Я не хочу этого. И ты не хочешь. Но я выполню приказ, если ты меня вынудишь. Без колебаний.

Слышу, как Киран стоит неподвижно еще несколько секунд, решая, стоит ли вообще продолжать. Потом шумно выдыхает, и в этом выдохе больше усталости, чем раздражения.

– Я мог бы этого не говорить, – произносит он наконец, не повышая голоса. – И, по хорошему, не должен. Но скажу, чтобы ты перестала додумывать лишнее. Принц рассказал мне о том, что произошло на рынке. О том, как ты коснулась его и охладила ярость. После этого он поверил, что ты способна выдержать любые его чувства и именно поэтому принц Дариан тебя не выбирал. Он уже знал, кому ты предназначена.

– Тогда зачем все это было? – Я резко оборачиваюсь, отрывая ладони от холодного камня, и смотрю на него уже прямо, не скрывая ни растерянности. – Зачем мне нужно было отвечать на его вопросы? Про власть, закон, совесть, про короля и его решения? Для чего вся эта показательная проверка, если исход был известен?

Киран смотрит на меня внимательно, без раздражения, но и без сочувствия.

– Это была воля принца Дариана. Он хотел выслушать всех хладниц лично. Убедиться, кто есть кто. Но да, – он пожимает плечом, – в итоге он все равно выбрал Далию. И если уж говорить откровенно... – он запинается на долю секунды, – ты бы плохо подошла на роль хладницы будущего короля, эрида.

Я прищуриваюсь, но молчу.

– Слишком много у тебя вопросов, – продолжает он ровно. – Слишком много собственного мнения. Ты не из тех, кто будет стоять тихо за спиной и делать вид, что ничего не чувствует. Для наследника это опасно. Для короны – тем более.

Он смотрит на меня пристально.

– Ты сложная, Элария Дарр. И это не комплимент.

Я отвожу взгляд обратно к окну. Уголки губ дергаются от горького узнавания.

– Зато, – отвечаю тихо, – для роли хладницы жестокого принца я подхожу идеально, да?

Киран медленно выдыхает, будто я вынуждаю его говорить то, что он предпочел бы оставить при себе.

– Не заставляй меня делать работу, которую должны были сделать твои наставницы, – произносит он глухо. – Я здесь, не чтобы воспитывать тебя и объяснять, где проходит грань дозволенного. Это не моя роль. Будь на твоём месте любая другая хладница, разговор закончился бы давно. И закончился бы плохо.

Слышу, как он делает шаг в сторону, но не уходит, останавливаясь так, чтобы я все еще была в поле его зрения.

– Ты все еще не наказана, – продолжает он тише, но жестче. – Только потому что ты нужна принцу Адарису. Только поэтому, эрида. Не будь этого – ты бы сейчас не стояла здесь. И точно не разговаривала бы со мной таким тоном. Запомни это. И не проверяй, насколько быстро это может измениться.

Он замолкает, давая словам осесть в воздухе.

– И что дальше? – спрашиваю устало. – Что вы от меня хотите теперь?

– Дальше ты приводишь себя в порядок, – отвечает он. – Ты должна быть готова предстать перед принцем Адарисом. Он хочет видеть тебя собранной и пригодной к службе.

– А если я не в порядке? – уточняю тихо. – Если после вчерашнего я не могу быть такой, как он ожидает?

От его эмоций исходит раздражение. Этот вопрос явно последний, на который у него есть терпение.

– Тогда ты сделаешь все, чтобы быть в порядке, – отрезает он. – Как делают все хладницы. Ты думаешь, кому-то здесь есть дело до того, как ты себя чувствуешь? Мне правда нужно тебе это объяснять?

Я смотрю на свое отражение в окне несколько секунд, потом уголки губ приподнимаются в чем-то насмешливом.

– Нет, – отвечаю ровно. – Не нужно.

Плавню поворачиваюсь к нему лицом, опуская взгляд на узел у воротника и начинаю развязывать шнурок. Узел поддается, ослабляя хватку на плечах.

– Эрида, ради всего святого, – резко бросает Киран и тут же отводит взгляд в сторону. – Ты что творишь? Вас в Ордонансе совсем не учат, как вести себя, когда рядом мужчина?

– Ты сказал привести себя в порядок – произношу, стягивая сорочку с плеч. – Я как раз этим и занимаюсь.

Ткань скользит по телу, я ловлю ее и аккуратно кладу на кровать, делая вид, что это самый обычный жест.

Киран шумно выдыхает и резко отворачивается к двери.

– Ты бы хотя бы предупредила, прежде чем устраивать мне такие испытания. Принц убьет меня, если узнает, что я был в комнате, когда ты... – он осекается, раздраженно сжимая челюсть, словно само продолжение фразы для него неприличнее любого ругательства. – Ты вообще понимаешь, в какое положение меня ставишь?

Я прохожу мимо него и беру хартан с комода.

– Понимаю, – отвечаю, расправляя ткань. – Но ты сам сказал, что мне нужно быть готовой. Стоять на ногах. Быть в порядке. Я не умею делать это наполовину.

Сначала я осторожно натягиваю нижнюю часть на ноги, придерживаясь за комод, потому что колени все еще подводят, потом подтягиваю комбинезон выше, просовываю руки в узкие рукава и накидываю его на плечи.

Киран проводит рукой по волосам, сверля взглядом дверь, словно проверяет, не стоит ли кто-то за ней.

– Ты переходишь грань, эрида.

– Нет, – мягко возражаю, – Я бы перешла грань, если бы попросила тебя застегнуть крепления хартана у меня на спине.

Я тяну руки назад, нащупываю крючки. Пальцы сначала путаются – крепления мелкие и неудобные.

– Тот, кто придумал эти застёжки, явно не рассчитывал, что хладнице придется одеваться после того, как она сутки пролежала без сознания. Или что рядом будет капитан стражи, который так нервничает, будто я совершаю преступление.

Пальцы слушаются не сразу. Крючок срывается, царапает кожу. Я тихо втягиваю воздух и пробую снова.

– Но я не прошу, – добавляю ровно. – Значит, граница на месте.

– Ты делаешь это нарочно.

– Нет, – говорю я, наконец защелкивая следующий крючок. – Я просто делаю то, что ты потребовал. Привожу себя в порядок.

Я выпрямляюсь, расправляя ткань на плечах и снова становлюсь тенью. Молчанием. Холодным серебром рядом с чужим золотом.

Киран наконец оборачивается. Смотрит уже прямо, без смущения, но и без прежней резкости, явно уставший от меня.

– От тебя сейчас никто не ждал этой собранности. Тебе нужно быть готовой к вечеру, не сейчас. После полудня придет служанка, поможет тебе привести себя в порядок как следует. Все это... – он делает короткий жест рукой, – было ни к чему.

Я медленно перевожу на него взгляд.

– А если я хочу выйти из комнаты? Подышать воздухом. У хладницы есть личный час в день. Я бы хотела воспользоваться им и пройтись по дворцу.

– Такой час может дать только дозволение ее господина, – отвечает он без колебаний. – А Его Высочества здесь нет. Так что ты остаешься в комнате. Ждешь служанку. Отдыхаешь. А вечером будешь готова предстать перед принцем Адарисом. Ты будешь сопровождать его во время ужина. По традиции, каждый второй и пятый день недели вся королевская семья ужинает вместе, и хладницы присутствуют в трапезной вместе со своими господами – таков дворцовый обычай. Вечером я приду за тобой и провожу.

Он делает шаг к двери, коротко скользя взглядом по моей фигуре – проверяя, достаточно ли я здорова, чтобы не упасть на этом ужине прямо под стол.

Я не отвечаю. Только наклоняю голову – ровно настолько, чтобы это можно было принять за согласие.

Когда дверь за ним закрывается, я замираю на месте, слушая, как тишина расплзается по комнате. Становится смешно, что именно этот момент, когда вроде бы никто не давит, никто не приказывает, никто не смотрит – оказывается самым трудным.

Хладница не имеет права на истерику, не имеет права на страх. Внешне я по-прежнему спокойна – ровная спина, хладное лицо, ни одного лишнего жеста, ни одной эмоции наружу. Но если бы кто-нибудь мог сейчас заглянуть в мою голову... Если бы кто-то увидел, что там творится, услышал, как внутри рвется крик, как хочется вцепиться ногтями в стены, в себя, в любую возможность выбраться отсюда – он бы понял, насколько это невыносимо.

Мысли несутся, как в бешеном круге, и в этом круговороте я позволяю себе на секунду – только мысленно сделать то, чего никогда не позволила бы наяву: хватаю со столика стеклян-

ную вазу и с размаху швыряю в стену. Она летит, разбиваясь в дребезги, осколки разлетаются по полу, олицетворяя мои несказанные слова. За ней – подушки с кровати, кувшин с водой, комод, стул, все, что только попадает под руку в этом внутреннем мраке. Я разламываю в голове кровать, разбиваю зеркало, хватаю за раму окно и пытаюсь вытолкнуть себя наружу, в этот холодный выцветший сад, туда, где нет этого удушающего порядка, нет чужой воли, нет страха быть не собой.

Позволяю себе этот внутренний разгром. На самом деле ни одна вещь не сдвигается с места, а я просто стою посреди комнаты, с прямой спиной и опущенными вдоль тела руками. Только глаза дольше задерживаются на стене, и я вижу на ней свои злость и отчаяние. Все остальное остается внутри – ни одна трещина на лице, ни дрожи в пальцах, ни малейшего движения. Я – эрида, я сдержанна. Так нужно. Так учили. Учили... служить людям, учили забирать их эмоции. Нас готовили к тому, что мы не принадлежим себе. Холодное серебро на фоне золота.

Но никто не объяснял, как выживать рядом с тем, чьи чувства могут убивать. Никто не рассказывал, что имфирион, которым мы питаемся, может стать смертельным и хватит одного прикосновения, чтобы сердце остановилось. И теперь каждый проклятый день я буду обязана прикоснуться к нему. Прикоснуться к тому, кто выбрал меня для того, чтобы вытаскивать его из собственного пламени.

– Серебро служит, золото правит. – Повторяю про себя, будто это должно меня утешить. Но вдруг внутри отзывается тихое и упрямое: пока серебро служит – золото правит. А если серебро перестанет служить, что тогда останется от всего их величия? Что останется от власти, если некому будет стоять в тени?

Глава 8. Хладная трапеза

Вода в ванне приятная и теплая, словно кто-то заботливо добавил в нее больше кипятка, чем нужно. Я погружаюсь по плечи, чувствуя, как тепло входит в кожу, расслабляя мышцы.

В Ордонансе ванн не было. Там мы мылись в большом каменном зале и обливались холодной водой под строгим взглядом наставниц. Сейчас я не тороплюсь и просто лежу. Вода слегка движется, держа меня на поверхности.

Служанка стоит в стороне. Она низкого роста с длинными русыми волосами, заплетенными в тонкую косу. На ней простое серое платье служанки, чистое, но уже немного поношенное. Лицо худое, глаза большие и бронзовые. Кажется, ее зовут Мира. Она представилась шепотом, и с тех пор смотрит только в пол, боясь сделать что-то не так.

Я закрываю глаза и расслабленно опускаюсь под воду, смывая остатки мыла. На миг хочется просто исчезнуть в этом тепле, позволить ему унести всю усталость, все, что было вчера и сегодня.

– Простите, госпожа... – Мира все-таки решается заговорить. – Я должна напомнить, что вам еще нужно успеть высохнуть и переодеться, а до ужина осталось мало времени.

Я открываю глаза, медленно выныривая и поворачиваю голову к ней. Она тут же вздрагивает и делает шаг назад, словно мой взгляд может ее ранить.

– Я успею, – отвечаю коротко.

Так не хочется вылезать из этой воды. У меня еще есть время. Я успею.

Мира переминается с ноги на ногу, крепко сжимая в руках полотенце, так что пальцы белеют. Чтобы напугать ее, мне хватило бы одного слова, но я не хочу этого. Эта человеческая девушка здесь явно давно. Я видела, как уверенно она двигалась по покоям, знала, где лежат полотенца, где стоят флаконы с маслами, куда ставить поднос. И если она здесь уже давно, ходит по этим коридорам, слышит обрывки разговоров старших слуг, видит, кто приходит и уходит, то возможно, она знает больше о принце Адарисе. Я не могу упустить этот шанс.

– Мира, – мягко произношу ее имя, – скажи, почему в Веларроне никто не знал о принце Адарисе? Во всем замке много людей и слуг. Почему о нем не говорили? Как можно скрывать такое столько лет?

– Я... мне не положено обсуждать... госпожа... – отвечает она тонким голосом, губы у нее дрожат, глаза расширяются, руки сильнее сжимают полотенце. – Нас наказывают, если... если мы говорим о господах. Особенно о тех, о ком... нельзя.

Смотрю на нее сквозь пар. Чего я, собственно, ожидала? Что она тут же засыплет меня объяснениями, начнет рассказывать тайны, как будто мы лучшие подруги? Глупо. Эту девочку запугали так, что страх стал частью ее дыхания. Король приказал бросить служанку в темницу за пролитое вино. После такого неудивительно, что Мира смотрит на меня так, словно я способна одним словом сломать ей жизнь. Она не трусиха, просто выживает, как умеет. Но я не могу не попытаться убедить ее рассказать мне.

– Мира, – начинаю снова, проводя рукой по воде. – Я его хладница и если я не буду знать, с кем имею дело, это плохо закончится для меня и для всех, кто рядом. Ты теперь моя служанка. Не его. Моя. Если со мной что-то случится из-за того, что я не знала важного, наказывать будут всех, кто был рядом и тебя тоже. Нам будет проще, если мы будем помогать друг другу.

Мира напрягается еще сильнее, но я вижу, как в ней что-то меняется. Она все еще боится, но страх начинает спорить с желанием быть полезной и нужной.

Девушка переступает с ноги на ногу, потом слегка кивает.

– Хладница! – раздраженно кричит Киран за дверью. – До ужина меньше часа! Если ты сейчас же не выйдешь из ванной, узнаешь, как здесь наказывают за опоздание. Ты слышишь меня, Дарр?

– Через пять минут выйду, – спокойно отвечаю я в сторону двери.

В соседней комнате на мгновение становится тихо, будто Киран не сразу верит, что я осмелилась возразить.

– Никаких пять минут! Выходи сейчас! – снова кричит он еще громче.

Прикусывая губу, быстро вынырываю из воды, заворачиваюсь в полотенце, которое Мира подает мне дрожащими руками, и думаю, как здесь невозможно по-настоящему расслабиться. Тепло ванны еще не ушло из тела, но раздраженный голос Кирана за дверью все портит.

– Я выхожу! – кричу в сторону двери, стараясь звучать твердо и чтобы он не подумал, что я боюсь его угроз.

Мира отступает, когда я делаю пару шагов по мокрому полу, оставляя следы, и резко распахиваю дверь.

Киран стоит вплотную к проему, скрестив руки на груди, но увидев меня, он на миг теряет равновесие и едва не падает в проем. Несколько секунд он вообще не находит слов, смотрит то на мои ноги, то на плечи, не зная, куда деваться.

– Всевышний... – выдыхает он громко, хватая себя за виски и качая головой. – Это у тебя особое развлечение, каждый раз выбивать меня из равновесия? Сначала утром, теперь... – он мотает головой, уходя взглядом в сторону, в поисках стены, на которую можно смотреть,

лишь бы не на меня. – В следующий раз хотя бы полотенце держи повыше, эрида. Здесь не принято устраивать такие... встречи.

– Ты же сам сказал выйти из ванной прямо сейчас, – отвечаю просто. – Я вышла. В чем проблема? Станный ты человек, капитан. То торопишь, то возмущаешься.

Он явно собирается что-то добавить, но только отмахивается и прикусывая губу, отступает на полшага. Я прохожу мимо, не обращая внимания на его смущение, сажусь у столика с зеркалом. Беру второе полотенце, начинаю вытирать волосы. В отражении замечаю, как Киран мечется, не зная, куда деваться – то ли выйти, то ли остаться и следить за порядком. Его брови сведены, губы плотно сжаты, но он сдерживается, чтобы не высказать еще что-то резкое.

– Не смотри на меня так, – бросаю не оборачиваясь, – через минуту я буду одета. Можешь доложить принцу, что его хладница в порядке и что к ужину я выйду вовремя.

Киран резко выдыхает, словно я лишаю его последнего аргумента. В отражении вижу, как он проводит ладонью по лицу, задерживается пальцами на переносице, пытаюсь вернуть себе самообладание. Потом отворачивается к двери, вставая к ней боком, демонстративно глядя в стену.

– Ты невозможная, – бросает он глухо. – И я не понимаю, это у тебя врожденное или вас так учили.

– Нас учили молчать и подчиняться. Все остальное я додумала сама.

Киран беззвучно фыркает, это признание явно задело его сильнее, чем любые мои выходки. Я продолжаю вытирать волосы и вижу через отражение в зеркале, как его плечи постепенно опускаются, а напряжение сменяется усталостью.

– Пятнадцать минут, – говорит наконец, уже без резкости. – Ни секундой больше. Я жду за дверью. Принц Адарис терпеть не может опозданий, советую не испытывать его терпение.

Он бросает на меня долгий, изучающий взгляд, еще раз проверяя границы моего упрямства, потом отворачивается и выходит за дверь.

Мира облегченно выдыхает и торопливо подает мне чистое белье. Я еще пару секунд задерживаю взгляд в зеркале, пытаюсь рассмотреть в нем что-то новое – может быть, хотя бы намек на уверенность. Но отражение остается прежним: бледная кожа, глаза фиолетовые, волосы спутанные, и взгляд, в котором больше усталости, чем желания идти на этот ужин. Я провожу ладонью по щеке, по прохладной коже и на мгновение ловлю себя на мысли, что, возможно, это и есть мой настоящий облик: тень без права на тревогу, а только на долг.

– Говоришь, принц не любит опозданий? – спрашиваю, сверля взглядом дверь в комнату принца.

Киран бросает на меня быстрый взгляд, в котором мелькает что-то вроде предупреждения.

– Лучше тебе не шутить об этом вслух. Его Высочество сам решает, когда выходить.

– Значит, остальным опаздывать нельзя, а ему можно?

Капитан открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент дверь резко распахивается. Адарис выходит, застегивая на ходу манжет темного камзола, волосы его слегка растрепаны. Он останавливается, окидывая взглядом сначала Кирана, потом меня. И замирает. Его глаза медленно проходятся по мне сверху вниз и задерживаются на лице.

– Что это такое на тебе? Снимай немедленно.

Я на секунду теряюсь и не сразу понимаю, о чем он говорит. На мне хартан, волосы собраны в тугий хвост и аккуратно стянуты кожаным шнурком, который я нашла в комнате. Все выглядит правильно, без лишних деталей, как полагается.

– Я одета согласно правилам.

– Волосы, Элария. Распусти их.

– Но... устав... – вырывается у меня, и я тут же жалею о сказанном.

В коридоре повисает тишина. Даже Киран замирает на секунду, с приоткрытыми губами. Я стою, не сразу веря, что принц говорит это всерьез. Вчера, во время обряда избрания лента слетела случайно, я не хотела этого. Но сейчас если я выйду к королевской семье с распущенными волосами намеренно, это будет уже не случайность, а явное нарушение правил и прямое неуважение к порядку и к самому королю.

Адарис делает еще один шаг, сокращая расстояние до минимума, и наклоняется ко мне так близко, что я чувствую тепло его дыхания на своей щеке.

– Ты ведь сама этого хочешь, – произносит он, растягивая слова. Его голос опускается до низкого, томного шепота от которого по коже бегут мурашки. – Разве тебе самой не надоело все это? Все эти правила, которые держат тебя в узде. Эти вечные запреты, эти хвосты, узлы, шаги по линии. Ты ведь не глупая, Элария. Ты понимаешь, что это не про порядок.

Принц стоит совсем близко и даже не моргает, ожидая, когда я подчинюсь. Может, это просто проверка? Может, он нарочно толкает меня на грань, чтобы увидеть, насколько далеко я готова зайти в своем бунте? Сегодня – лента, завтра – хартан. Послезавтра что-то еще, чего я даже представить не могу. Он играет со мной, как с новой игрушкой, тестируя, где сломаюсь, где подчинюсь, а где взорвусь. Если я сейчас откажусь, он назовет меня слабой, трусливой тенью, недостойной его «тьмы». Если соглашусь, то переступлю черту, за которой уже не будет возврата к правилам Ордонакса. И весь двор увидит это нарушение как мой выбор, как мою дерзость. Отец... Всевышний, что скажет отец, увидев меня с распущенными волосами у королевского стола?

Но он прав. Проклятие, он прав. Я ненавижу этот хвост. Ненавижу, как он тянет кожу на висках, как напоминает о каждом «нельзя», которое вбивали в меня годами. И в этот момент, под его взглядом, под этим шепотом, который проникает глубже любых приказов, я чувствую, как сопротивление тает.

Медленно поднимаю руки к затылку. Пальцы дрожат едва заметно, но я знаю, что он это видит. Развязываю узел. Лента соскальзывает и падает на пол, волосы рассыпаются по плечам.

Адарис выпрямляется, смотря на меня с той же удовлетворенной улыбкой. Его взгляд скользит по моим волосам, по лицу, и задерживается на глазах.

– Вот так, – произносит он тихо. – Наконец-то ты перестаешь прятаться за правилами. Запомни это ощущение, Элария. Оно тебе еще пригодится.

Он разворачивается и идет по коридору вперед, не оглядываясь. Киран, все это время стоявший как статуя, коротко кивает мне и следует за принцем.

Я иду последней, чувствуя, как волосы касаются спины с каждым шагом, как они шелестят, напоминая о только что сделанном выборе. Стены замка словно смотрят на меня – гербы Эрданов на гобеленах, резные драконы в нишах, даже тени от факелов кажутся осуждающими. Я нарушила правило. Намеренно. И весь этот камень, пропитанный веками традиций, знает об этом.

Пока иду, ловлю себя на мысли, что до сих пор не понимаю, как относиться к Адарису. Он мой господин, мне полагается слушаться, но все внутри сопротивляется. Может он нарочно толкает туда, где меня могут наказать, чтобы посмотреть, как я выпутаюсь? А может, он вообще не думает обо мне, а просто действует наугад, чтобы держать всех вокруг в напряжении.

Все это крутится в голове и заставляет жалеть о том, что я только что сделала, но слишком поздно отступить. Теперь я могу только идти за ним и надеяться, что все закончится не слишком плохо.

У двери в трапезную Киран занимает пост у входа, не желая разделять со мной этот маленький бунт, который я только что совершила по прихоти принца.

Адарис толкает дверь, и мы входим.

Трапезная большая, но она кажется тесной от стоящего внутри напряжения. Темный камень стен давит холодом, массивный овальный стол с резными краями занимает все пространство. Вдоль него выстроены кресла с низкими спинками, у стен в ожидании стоят слуги.

Мы идем к месту за столом и я смею осмотреть собравшихся за ним. Король Ровен сидит неподвижно, опираясь руками о край стола. Серебристые волосы аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб и глубокие морщины. Короткая седая щетина делает его облик еще жестче и приземленнее, лишая всякой показной величественности, несмотря на тяжелую корону, усыпанную рубинами, на его голове. Позади, по его левую руку, стоит хладница. Она старше меня, с идеально гладкой косой до самой талии. Кажется, ее зовут Лиавель и если бы меня спросили, как выглядит дисциплина, я бы просто указала на нее.

Королева Лиора сидит в стороне от короля и почти сливается со спинкой кресла. Она слишком худая, плечи узкие, скулы острые. Светлые волосы с заметной проседью собраны в простой узел, несколько прядей выбились и легли на висок. Руки лежат на столе, тонкие пальцы перебирают края рукавов ее синего платья с золотой вышивкой. Когда она поднимает взгляд на Адариса, то тут же отворачивается, не желая смотреть на него дольше секунды.

Рядом с королевой сидит Дариан. Его взгляд мягкий, но при виде меня у него в глазах появляется удивление, смешанное с волнением. По его лицу слишком ясно видно, что он не ожидал увидеть меня живой после Аль-риена с Адарисом. Позади него Даля удивляется не меньше. Эта эрида была уверена, что меня уже вернули в Ордонанс, и теперь не может понять, почему я все еще при дворе.

За столом сидят и другие члены семьи, о которых я ничего не знаю. Рядом с Дарианом место занимает женщина средних лет с седеющими волосами, собранными в строгий пучок на макушке. Позади нее стоит ее хладница в белом хартане. Дальше сидит молодой мужчина с острым лицом и светлыми глазами, его хладница молодая, но уже с жестким взглядом, стоит ровно, как статуя.

Я бы могла подумать, что все это напряжение из-за меня, из-за распущенных волос, из-за этой проклятой вольности. Но чем дольше я нахожусь в этом зале, тем яснее понимаю, что дело не во мне. А в самом Адарисе.

Он проходит к своему месту по правую руку от короля, ровно напротив королевы и Дариана. Видеть их так, лицом к лицу, странно. Два одинаковых человека, похожие до мельчайших черт, но ощущение от них разное, будто передо мной не братья, а отражения из разных миров. В одном спокойствие и привычка держать себя в рамках, в другом напряжение и желание эти рамки ломать.

Адарис неторопливо опускается на стул, словно весь зал должен подождать, пока он устроится так, как ему удобно. Я остаюсь стоять позади него, немного в стороне, как и положено хладнице, но достаточно близко, чтобы чувствовать его присутствие. Отсюда я вижу его профиль: резкую линию скул, тень от выбившейся пряди волос, спокойное выражение лица, в котором нет ни капли извинения.

Король медленно переводит взгляд на него.

– Адарис. – говорит он ровно, без раздражения, но и без тепла. – Ты снова решил удивить нас, Надеюсь, на этот раз не зря. Это уже четвертая хладница за последний месяц. Представь ее и объясни, почему мне снова приходится узнавать об этом за столом.

– Не вижу смысла устраивать отдельные представления, отец, – отвечает Адарис холодно. – Но раз уж вы спрашиваете... – он поворачивает голову, жестом указывая на меня. – Она из рода Дарр. Ее зовут Элария. Думаю, этого достаточно.

Король приподнимает бровь.

– Элария Дарр. Ты родственница Арвеля Дарра? Глашатая короны?

Я склоняю голову ровно настолько, насколько положено.

– Да, Ваше Величество. Он мой отец.

Ровен хмыкает, и взгляд его становится острее.

– Интересный выбор. Арвель всегда был... предан порядку. Его сын Эзар Дарр тоже при дворе, я знаю о нем немало, он умен и рассудителен, умеет держаться достойно. Род Дарр всегда славился дисциплиной и верностью, а ты, эрида, стоишь здесь с распущенными волосами, нарушая все, чему вас учат в Ордонансе. Это его идея или твоя?

Я задерживаю дыхание.

– Мой выбор, Ваше Величество, – лгу я ровно, не моргнув.

Адарис поворачивает голову, профиль его остается спокойным, но я вижу, как уголок губ дергается – в одобрении или в насмешке, не пойму.

Король откидывается в кресле, сцепляя пальцы на столе.

– Ты осознаешь, Элария Дарр, что ни одна эрида до тебя не выдержала службы рядом с моим сыном? Одна... – он хмурится, – одна не проснулась после Аль-риена. Другая не продержалась и минуты. Третья сбежала, нарушив клятву. Ты готова к этому?

– Я осознаю, Ваше Величество. И готова нести службу.

Слова выходят легко, как заученные, но внутри все переворачивается. Готова? Нет, конечно, нет. Я не готова. Вчера я едва выжила, а сегодня стою здесь и лгу королю в лицо, потому что знаю, что другого ответа от меня не ждут.

Ровен смотрит на меня еще секунду, наверно уже представляя в своей голове, как я падаю на этот пол.

– Хорошо, – произносит он наконец, отведя от нас взгляд. – Раз уж она готова приступим. Каждая хладница исполнит долг. Коснется своего господина и заберет все, что не должно перейти за этот стол. Все лишнее, все опасное, все, что мешает дому Эрданов быть единым.

Я догадываюсь, что сейчас произойдет. Это ритуал перед каждым семейным ужином. Хладницы гасят эмоции на виду у всех, чтобы за столом оставался только холодный разум.

Король откидывается на спинку стула, прикрывая глаза и в этом движении столько усталости, что даже его внушительный облик кажется вдруг хрупким.

Лиавель плавно поднимает руку и мягко касается его головы. Ровен медленно выдыхает и расслабляется под ее прикосновением.

Королева Лиора пристально смотрит за тем как хладница забирает лишнее у ее супруга. У королев Веларрона никогда не бывает личных хладниц. Это старая традиция династии Эрда-нов. Королева должна сохранять свои эмоции полностью сама, без помощи. Прикосновение хладницы считается недопустимым, потому что может нарушить чистоту королевской крови и ее связь с народом. Так решили еще основатели государства, и закон этот не меняли веками.

Когда Лиавель убирает ладонь, король наконец открывает глаза, смотрит на нее и незаметно кивает, разрешая ей занять место за его спиной. В зале становится тише. Теперь все смотрят на Дариана. Далия уже готова сделать шаг, но он слегка отстраняется, не позволяя ей прикоснуться.

– Прошу прощения, отец, – произносит он. – Сегодня Аль-риен с Далией уже был про-веден до ужина. Это было необходимо. Я прошу извинить за нарушение традиции.

Далия стоит позади него неподвижно, но я замечаю, как она прикусывает губу и напрягает плечи.

Король прищуривается, его взгляд становится еще холоднее, без тени эмоций, которые Лиавель только что забрала.

– Необходимость, говоришь? Традиции существуют не для того, чтобы их нарушать по прихоти, сын. Правила – основа порядка. Без них все рушится.

Дариан склоняет голову в знак согласия.

– Я понимаю, отец. Но с новой хладницей... – он делает паузу, бросая короткий взгляд на Далию, – было важно установить связь как можно скорее. Чтобы разум был чистым не только за столом, но и в моменты... уединения.

Адарис вдруг саркастично хмыкает и этот звук раздается в тишине зала, как щелчок хлыста. Он откидывается в кресле, скрещивая руки на груди и смотрит на брата с ленивой, насмешливой улыбкой.

– О, светлый принц не удержался, – произносит он небрежно, растягивая слова. – Пер-вым делом утащил свою хладницу в постель. Очень достойный поступок для будущего короля. Прямо образец сдержанности и уважения к традициям. Отец, ты должен гордиться таким наследником.

– Довольно, Адарис, – твердо пресекает король. – Твои насмешки неуместны за этим столом. Дариан нарушил традицию, но он объяснил причину. Молодость и... желание устано-вить связь – это понятно. Главное, чтобы это служило короне, а не мешало ей.

Он делает паузу, переводя взгляд обратно на Дариана.

– Я прощаю на этот раз. Но в следующий – соблюдай порядок, как положено. Традиции не для прихоти, а для дисциплины. Без нее мы потеряем все.

Дариан опускает взгляд, принимая упрек.

– Благодарю за понимание, отец. Я не хотел нарушать традиции без причины. В следую-щий раз все будет как положено.

Адарис снова фыркает, но на этот раз тише, словно его забавляет эта покорность. Король переводит взгляд на нас, и я чувствую, как воздух в зале тяжелеет. Теперь наша очередь. Принц откидывается в кресле, не поворачиваясь ко мне, но я знаю, что он ждет. Я протягиваю к нему руки, стараясь, чтобы движения были плавными, ладони касаются его висков, вхожу в его эмоции и они мгновенно прорываются внутрь. Это не тихий поток, как у короля с Лиавель, – это буря. Жар врывается в меня, как огонь, раздирая изнутри. Гнев, одиночество, жажда власти – все сплетено в один клубок, и он жжет, как кислота. Капля крови срывается с уголка глаза, и падает на мой хартан. Еще одна на лоб Адариса. Я чувствую, как тело дрожит, но не отрываю ладонь, тяну эмоции в себя, гащу их, как могу. Зрение мутнеет, в ушах шумит, кровь течет сильнее, оставляя алые следы на щеках.

Королева Лиора прикрывает ладонью рот, король молчит, наблюдая. Далия отводит взгляд, Лиавель остается бесстрастной. Но Дариан... Он должен быть равнодушным после Аль-

риена с Далией. Однако его лицо меняется. Вижу, как его брови сводятся, губы сжимаются, в глазах мелькает что-то похожее на отвращение.

– Довольно! – его вскрик прерывает тишину трапезной. Он резко встает, так что стул отъезжает с легким скрипом. – Ей плохо, отец. Посмотрите на нее – кровь идет. Адарис, ты что, не видишь? Прекрати это.

Адарис не шевелится, но его имфирион слегка ослабевает или это я уже на пределе? Я убираю руки пошатнувшись, и прижимаю ладонь лицу, пытаюсь остановить кровь.

– Доволен? – шипит Дариан. – Зачем заставляешь ее делать это снова так скоро? Это не служба, это пытка.

– Ты слишком сентиментальный, брат, – лениво отвечает Адарис, вытирая кровь с лица салфеткой, которую берет со стола. – Она выдержала вчера, выдержала сегодня. А это значит, что она справится и дальше. Или ты предпочитаешь, чтобы я остался неуравновешенным?

– Хотя бы платок подай, – огрызается Дариан, и в его тоне сквозит презрение. – Твоя хладница кровью истекает, а ты сидишь, как ни в чем не бывало.

Адарис только хмыкает, но по-прежнему не двигается. Дариан не дожидаясь этого, подходит ко мне и протягивает свой платок.

– Не хватало только, чтобы вся семья привыкла к такому зрелищу за ужином.

Я принимаю платок с изображением дракона из рук Дариана, чувствуя, как его теплые пальцы на миг касаются моих. Я прижимаю его лицу, вытирая алые пятна, и в этот момент краем глаза вижу, как остальные члены семьи продолжают ритуал, словно моя слабость всего лишь пауза в спектакле.

Дариан возвращается на свое место, но я замечаю, как он все еще смотрит на меня краем глаза. Он слишком эмоционален для того, кто якобы провел Аль-риен с Далией до ужина. Если он действительно был с ней в интимной близости, хладница должна была забрать все лишние чувства, оставить только покой.

Король смотрит на сыновей еще секунду, потом поднимает руку, подавая сигнал слугам. Те сразу оживают, бесшумно подходят к столу, расставляя блюда: жареное мясо с травами, овощи в масле, свежий хлеб, фрукты в серебряных чашах. Темное-красное вино льется в кубки. Я стою позади Адариса, чувствуя слабость в ногах. Кровь уже остановилась, платок Дариана я сжимаю в кулаке, как напоминание о его доброте.

Адарис берет свой кубок, наливает вино и пока слуги накладывают еду всем за столом, он поворачивает голову ко мне.

– Продержись до конца ужина, Элария. Если тяжело стоять, можешь опереться на спинку стула.

Я замираю от его слов. Он предлагает помощь или снова проверяет? Хочет увидеть, приму ли я его предложение. Покажу ли слабость перед всеми, или откажусь и буду стоять дальше, доказывая силу. Смотрю, как он спокойно отпивает вино, будто ничего не сказал. Я

все-таки опираюсь, но слова остаются в голове, добавляя еще один слой путаницы к этому вечеру.

Все начинают есть, но король не торопится. Он берет кубок, делает глоток и ставит его обратно, переводя взгляд на сыновей.

– Теперь, когда эмоции ушли, поговорим о важном. Через два месяца – праздник Серебряной Тени. Это день первого договора между людьми и эридами. День, когда Серебро и Золото впервые встали рядом, как союзники. А вечером во дворце пройдет великий бал.

Я слушаю эти слова и вспоминаю, как в Ордонансе нам рассказывали об этом бале. Это один из немногих вечеров в году, когда эридов благодарят за службу. Люди позволяют нам свободно стоять рядом с ними на рввных, хотя все знают, что равенства там нет и не будет.

Король продолжает, глядя на Дариана.

– На этом балу будет уместно, если ты, как наследник, совершишь обряд слияния со своей хладницей. Это станет символом преемственности, единства династии и эридов. Укрепит веру народа в порядок и даст тебе право принять корону после моей смерти.

Дариан сидит неподвижно еще секунду, едва заметно напрягая плечи и сжимая вилку сильнее, чем нужно. Он склоняет голову, но я вижу, как губы его на миг сжимаются.

– Я согласен, но не ради короны, отец. Если обряд нужен, чтобы укрепить порядок и успокоить тех, кто сомневается, я сделаю это.

Король хмыкает одобрительно, затем поворачивается к Адарису, смотря на него уже строже.

– А ты, Адарис. Если твоя хладница выживет до того времени и докажет, что способна служить, я позволю и тебе совершить обряд слияния.

Я сжимаю спинку стула до хруста, внутри все холодеет. Обряд слияния с Адарисом. Это не честь и не награда – это приговор. Навеки приковать себя к его чувствам, к этой бездонной тьме, которая жжет и раздирает изнутри. После обряда я не смогу ощущать эмоции других людей, а только его. Я буду чувствовать его на расстоянии, через стены, через города, везде, куда он пойдет. Его гнев станет моим, его хаос – единственным, что я смогу поглощать. Даже если я захочу бежать, его эмоции найдут меня, как цепь, которую невозможно разорвать. Это не связь, это вечное заточение в его душе. И король предлагает это как милость, как возможность, зная, что предыдущие не выдержали даже простого прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.